

К.Я. Паромов

ЕПИСКОП ФЕОДОР (ПОЗДЕЕВСКИЙ) И «КРУЖОК ИЩУЩИХ ХРИСТИАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ»: ПО ПЕРЕПИСКЕ УЧАСТНИКОВ

Личность последнего ректора Московской духовной академии предреволюционной поры еп. Феодора (Поздеевского), архипастыря, богослова, педагога, администратора, чуткого к общественным настроениям, противника грядущих перемен, неоднозначно воспринималась современниками. Сотрудничество видных представителей культурной элиты и «ученого монаха», возглавившего старейшую духовную школу, состоявшееся благодаря «Кружку ищущих христианского просвещения», вызывает интерес в свете характерных для начала XX в. попыток диалога духовенства и интеллигенции.

Ключевые слова: еп. Феодор (Поздеевский), «Кружок ищущих христианского просвещения», Московская духовная академия, «Богословский вестник», имяславие, свящ. П.А. Флоренский, М.А. Новоселов, митр. Антоний (Храповицкий).

«Кружок ищущих христианского просвещения», всего лет десять просуществовавший в Москве (с 1907 примерно по 1917 гг.), представляется сейчас, век спустя, исключительным явлением церковной и общественной жизни того времени, богатого на разного рода объединения и союзы, отражавшие и формировавшие большинство политических, культурных и религиозных направлений, чье множество, казалось, только подтверждало верность расхожих идеологем индивидуализма, представительства, соперничества, рационализма. «Мы говорим *мир*¹ <...> когда все в человечестве разделено на партии, группы, мнения, классы, организации, кружки и все враждуют против всех, борясь самым грубым и бесцеремонным образом за “места под солнцем”, за власть, за преобладание, за сытость, за высокие идеи. <...> Мир же Божий есть категория внутренняя и абсолютная. Он идет своими путями, иногда совпадая с миром человеческим, иногда расходясь с ним до величайшего контраста и отрицания», — писал в

Кирилл Яковлевич Паромов — выпускник Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, соискатель Исторического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

¹Здесь и далее все выделения текста принадлежат авторам.

канун 1915 г. близкий кружковцам философ В.Ф. Эрн². Стремлением избежать пагубного расхождения и было вызвано к жизни новое объединение.

Идея содружества владела П.А. Флоренским, сочинявшим незадолго до поступления в Московскую духовную академию³: «Мало-помалу из [лиц. — К.П.] связанных узами любви и единомыслия, в связи с надвигающейся мистической грозой и усилением антихристианских — спиритических и магических — общественных течений, составилось братство. Некоторые из братьев имели духовный сан. Сейчас они собираются на общее богослужение в условленный сборный пункт из своих приходов и мест своих занятий, где они борются с надвигающейся грозой, пока неявной»⁴. Осуществленный, «кружок помог многим, находившимся “около церковных стен”, войти не только в Церковь, но и в алтарь. Священнический сан приняли о. Павел Флоренский, о. Сергей Булгаков, о. Александр Ельчанинов, о. Сергей Дурьлин, о. Феодор Андреев, о. Сергей Мансуров, а М.А. Новоселов причислен к лику святых. Видными церковными деятелями были кн. Е.Н. Трубецкой, кн. Г.Н. Трубецкой, Ф.Д. Самарин, А.Д. Самарин⁵, П.Б. Мансуров, Н.С. Арсеньев, Н.Д. Кузнецов, И.П. Щербов. Кружку были близки В.М. Васнецов⁶ и М.В. Нестеров»⁷. Однако, без имени епископа Феодора (Поздеевского) этот перечень не будет полон. Достаточно сказать, что трое названных священников — П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, С.Н. Дурьлин — рукоположены владыкой. Последний — по благословению прав. Алексия Мечёва и прп. Оптинского старца Анатолия (Потапова), а второй — свт. Тихона («Я и не подумал, что Патриарх мог иметь желание сам совершить мое рукоположение, когда просил его поручить совершить это Преосвященному Феодору», — вспоминал прот. Сергей⁸).

---

²Эрн В.Ф. «И на земли мир»... С. 339–340.

³Далее — МДА.

⁴Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка... С. 276.

⁵Племянники знаменитого славянофила Ю.Ф. Самарина. Старший, Федор Дмитриевич, женился на сестре братьев Трубецких, одна из их дочерей вышла замуж за С.П. Мансурова, сына Павла Борисовича — директора Московского Главного архива МИД, знатока истории Восточной Церкви.

⁶Ставший в 1914 г. почетным членом Московской духовной академии. В следующем году этой чести удостоился А.Д. Самарин, с июля по сентябрь занимавший пост обер-прокурора Св. Синода.

⁷Половинкин С.М. Ревностная дружба... С. 6.

⁸Булгаков С., прот. Мое рукоположение (24 года)... С. 107.

Время возникновения общества — самое начало 1907 г. Январем датирован устав, первый параграф которого определял миссию «Кружка...» — «помогать своим членам, а также посторонним лицам, которые будут к нему обращаться, в усвоении начал христианского просвещения». Тут же значилось: организация «никаких политических целей не преследует и в обсуждение политических вопросов не входит»⁹. Недавняя активность большинства ее создателей именно в этой сфере делала оговорку важной. Так, монархический «Кружок москвичей», пользовавшийся с 1905 г. влиянием в «правом» лагере, возглавлял Ф.Д. Самарин, чьи сотрудники — В.А. Кожевников, А.А. Корнилов, П.Б. Мансуров. Поддерживал кружок не числившийся в нем М.А. Новоселов. А «Христианское братство борьбы», где «христианство» было, по сути, тождественно «социализму», возникло в том же году усилиями В.Ф. Эрна, В.П. Свенцицкого, А.В. Ельчанинова, А.С. Глинки-Волжского, С.Н. Булгакова, при сочувствии студента МДА П.А. Флоренского.

Но еще 10 августа 1905 г. М.А. Новоселов писал Ф.Д. Самарину: «теперь сердце мое отвалилось от политики, в которую вовлекли его особые обстоятельства»¹⁰. А спустя два года уже С.Н. Булгаков признавал: «Мое отношение к политике теперь совершенно внешнее. <...> Мир все утрачивает для меня абсолютную ценность <...> Все сильнее чувствую правду и глубину Розановской альтернативы в статье об Иисусе Сладчайшем: или мир, или Христос»¹¹. Общий, во многом, настрой призывал к сотрудничеству, Булгаков заинтересовался Новоселовым, который сразу показался ему «очень мил и подлинно религиозен»¹², а летом 1907 г. попытался занять преподавательскую вакансию в МДА (где с 1904 г. учился П.А. Флоренский) и представить на соискание степени магистра богословия свой труд по политэкономии (ранний вариант «Философии

---

⁹Цит. по: *Никитина И.В., Половинкин С.М.* «Московский авва»... С. 19–20.

¹⁰Цит. по: *Дубинин А., свящ.* Переписка В.А. Кожевникова с Ф.Д. Самариным и деятельность Кружка ищущих христианского просвещения... С. 280.

¹¹*Колеров М.А.* «Не мир, но меч». Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех»... С. 257–258.

Доклад В.В. Розанова «О Сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира», прочитанный 21 ноября 1907 г. в Санкт-Петербургском религиозно-философском обществе, прежде чем войти в книгу «Темный лик. Метафизика христианства» (СПб., 1911), несколько раз публиковался.

¹²Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрна и др.... С. 129.

хозяйства»)¹³, рассказав в академическом вестнике «о необходимости введения общественных наук в программу духовной школы» (1906. №2.).

Однако учредили «Кружок...» именно «правые»: М.А. Новоселов, Ф.Д. Самарин (председатель), В.А. Кожевников, Н.Н. Мамонов и П.Б. Мансуров. К ним в течение 1907–1908 гг. присоединились А.А. Корнилов, А.И. Новгородцев (родной брат знаменитого правоведа и общественного деятеля) и ректор Московской духовной семинарии архимандрит Феодор (Поздеевский).

Не случайно появление в «Кружке...» первого представителя духовенства. До перевода в Москву с марта 1904 г. по август 1906 г. архим. Феодор занимал ту же должность в Тамбове¹⁴, где участвовал в образовании (в окт. 1905 г.), а затем возглавил Серафимовский Союз русских людей, членом которого состоял губернский помещик П.Б. Мансуров¹⁵. Не прекращавший активного участия в Союзе, он высоко ценил духовное влияние и организаторскую роль архим. Феодора¹⁶, выпускника Казанской академии 1900 г., ученика и постриженника епископа Антония (Храповицкого), занимавшего пост ректора в 1895–1900 гг. Архимандрит не потерял связи со своим наставником, быстро шедшим в гору¹⁷ и ставшим к 1917 г., несмотря на свою «крайне правую» «клерикальную» репутацию, едва ли не самым популярным иерархом Русской Церкви.

Ф.Д. Самарин хорошо знал владыку Антония по совместной работе в Предсоборном присутствии. Вспоминая шесть лет спустя обстоятельства знакомства, Волынский архипастырь уверял, что для него «нет большей радости, как встретить независимого и просвещенного соотечественника, который не по положению и не по пассивной привычке детства, а свободно и сознательно при-

---

¹³ Летом 1910 г. уже М. Новоселов, с согласия ректора еп. Феодора (Поздеевского), хлопотал об устройстве С.Н. Булгакова в академию. (*Андроник (Трубачев)*, *игум.* Священник Павел Флоренский — профессор Московской духовной академии и редактор «Богословского вестника»... С. 55).

¹⁴ В 1903 г. Тамбовскую семинарию окончил будущий митрополит Вениамин (Федченков), оставивший воспоминания об учебе, а задолго до него — митрополит Санкт-Петербургский (1898–1912) Антоний (Вадковский).

¹⁵ Уроженец г. Козлова, В.А. Кожевников также владел имением в губернии.

¹⁶ В с. Большая Липовица Тамбовского уезда Тамбовской губернии родился знаменитый старец Оптиной пустыни прп. Амвросий (А.М. Гренков), также выпускник Тамбовской семинарии (1836 г.). Эта близость Оптиной создавалась и культивировалась Союзом.

¹⁷ Разговаривая в ноябре 1912 г. с обер-прокурором Св. Синода В.К. Саблером, Николай II выразил уверенность: «Митрополитство от него не уйдет» (Царю Небесному и земному верный. Митрополит Макарий Московский, апостол Алтайский (Парвицкий-Невский)... С. 25).

знает Христову Церковь сокровищницею истинною и не выбирает из нее только то, что находит по вкусам нашей эпохи, положения и сословия, а напротив, из нашей культуры и сословных преданий признает справедливым только то, что согласно Божественному учению, содержимому Церковью...»¹⁸. Архиепископ не был одинок в столь высокой оценке (и это притом, что Федор Дмитриевич холодно относился к заветному желанию владыки — видеть Русскую Церковь вновь патриаршей) личности и способностей старшего Самарина. Неудивительно, что в 1906 г., за который сменилось три обер-прокурора Св. Синода, он получал предложение занять этот пост¹⁹ (а также пост министра земледелия). Но оба раза ответил отказом, посчитав для себя возможным лишь принять участие в деятельности Государственного совета, по выборам от дворянства Московской губернии (1906–1908)²⁰.

Председатель «Кружка...», Ф.Д. Самарин в разосланной летом 1907 г. членам-учредителям статье «О задачах и характере устраиваемых “Кружком” бесед» главной целью назвал освобождение русской религиозной мысли от «неискренности» — «последствия внешнего гнета», «так долго» над ней тяготившего²¹.

В речи, посвященной юбилею МДА, о том же говорил еп. Феодор (Поздеевский)²²: «...хочется теперь, на пороге нового столетия академической жизни, пожелать вступающим в него <...> начать решительную борьбу против гнета рационализма с Запада, как прежде наша школа боролась против уз схоластики, тоже пришедшей с Запада». Что возможно лишь на «пути веры, нравственного развития и введения в свою личную жизнь духа христианской жизни для того, чтобы уразуметь тайны духовной мудрости и богословствовать»²³.

---

¹⁸Цит. по: *Ореханов Г., свящ.* На пути к Собору. Церковные реформы и первая русская революция... С. 154.

¹⁹«Сам[арин] — обер-прокурор Св[ятейшего] Синода — вот именно “the right man on the right place”», — записал в своем дневнике близкий славянофилам старших поколений ген. А.А. Киреев, узнав о возможном назначении (*Киреев А.А.* Дневник. 1905–1910... С. 156).

²⁰С апреля 1906 г. по январь 1907 г. в Гос. совете состоял и архиеп. Антоний (Храповицкий).

²¹Там же. С. 298.

²²Был назначен ректором академии 19 августа 1909 г. и почти сразу стал епископом Волоколамским, четвертым московским викарием (назначен 21 августа, хиротонисан 14 сентября).

²³*Феодор (Поздеевский), еп.* К новому столетию // Богословский вестник. 1914. №10–11. С. 216.

Мысли эти были характерной программой части ученой и, шире, общецерковной среды начала века²⁴. Так, годом позже профессор той же академии архим. Иларион (Троицкий)²⁵ убеждал слушателей: «На борьбу с этим-то вредным латинско-немецким засилием и его печальными плодами в нашем богословии я и считаю своим нравственным долгом вас призвать»²⁶. В ряде выпусков «Религиозно-философской библиотеки» М.А. Новоселов напомнил о границах Церкви, за которыми остаются католики и все многообразие протестантских сект.

Еп. Феодору «освободительная борьба в области богословия» виделась преимущественно как «личное делание»: «В области церковной жизни может быть и должна быть только одна главная реформа — покаяние и молитва, а все остальное, тоже, конечно, полезное, пойдет из этой благодатной реформы

---

²⁴Митрополит Антоний (Храповицкий), около пятнадцати лет трудившийся в духовной школе (последовательно руководя Санкт-Петербургской (инспектор), Московской и Казанской (ректор) академиями), в свойственной ему бескомпромиссной манере констатировал на одном из заседаний Собора: «Строй духовно-учебных заведений как унаследованный из мира западных еретиков и приводит дело духовной школы до крайнего безобразия» (*Успенский Л.А.* Богословие иконы Православной Церкви... С. 456). Любопытно, что, не будучи делегатами Собора, кружковцы М.А. Новоселов, свящ. П.А. Флоренский, С.Н. Дурылин и С.П. Мансуров 9 (22) марта 1918 г. были приглашены участвовать в разработке типа пастырских училищ (взамен семинарий), ведшейся Отделом о духовно-учебных заведениях.

²⁵Будущий священномученик архиепископ Верейский Иларион.

21 ноября 1910 г. на собрании «Кружка ищущих христианского просвещения» профессорский стипендиат МДА В.А. Троицкий читал реферат «Христианство и Церковь» (в январе 1913 г. он защитил магистерскую диссертацию «Очерки из истории догмата о Церкви»). Об участии архим. Илариона в работе «Кружка...» свидетельствуют и строки чернового письма (предположительно 1913 г.) свящ. П.А. Флоренского М.А. Новоселову, вызванные неприятием деятельности последнего в неких церковных сферах, чьи представители «по-видимому влияют в этом смысле и на архипастыря (речь, скорее всего, идет о московском митрополите Макарии. — *К.П.*), который, через Д.И. Введенского (в это время экстраординарный профессор МДА. — *К.П.*) поручил сказать <...> Вл. Ал. Троицкому (будучи магистром богословия и доцентом академии, принял монашеский постриг 28 марта 1913 г. — эта дата может указать верхнюю хронологическую границу письма. — *К.П.*), что “напрасно де он ездит в Москву и читает рефераты у разных Кожевниковых и т.д. Этим он повредит своей карьере”» (Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым... С. 57, 125).

Впрочем, опасения не сбылись: 30 мая 1913 г. иеродиакон Иларион (Троицкий) стал инспектором МДА, 2 июня был рукоположен во иеромонаха, спустя месяц, 5 июля, возведен в сан архимандрита, а 5 ноября получил должность экстраординарного профессора.

²⁶*Иларион (Троицкий), архим.* Богословие и свобода Церкви (О задачах освободительной войны в области русского богословия) // Богословский вестник. 1915. №9. С. 133.

духа»²⁷. Традиционный взгляд этот, характерный для владыки и разделявшийся кружковцами, вызывал неприятие волновавшейся религиозными темами интеллигенции. «Новоселовщина и Флоренщина — спасение себя, а где же у них найдется место в душе для погубления души “за други своя”», — негодуяще предостерегал М.С. Шагинян А. Белый (письмо от 18 авг. 1909 г.). Обобщенный, тот же укор прозвучал в ответе символиста Н. Валентинову (Н.В. Вольскому): «Россия, конечно, носит в себе огромную тайну, но покров с нее не сняли и никогда не снимут люди с славянофильским направлением. У них для этого нет умственной и настоящей религиозной силы. <...> Покров с тайны России снимет только будущая революция, а кто же, хотя бы на минуту, может серьезно думать, что ее сделают новые Хомяковы и Достоевские?»²⁸. В канун желанной разгадки уже В.В. Розанов, недоуменно перечитывая другого современного мыслителя, указывал на обосновательность обвинений: «“Личное спасение себя, личное спасение своей души” <...> Однако может ли сказать Бердяев, чтобы Христос к чему-нибудь другому, к чему-нибудь иному призывал человека <...> Решительно нет, решительно круг Евангелия действительно и очерчен заботой о спасении души, — своей личной души, вот как она станет пред Богом»²⁹.

Слово ректора «К академическому новолетию» произвело сильное впечатление на В.В. Розанова, делившегося со своим постоянным корреспондентом редактором журнала о Павлом Флоренским: «“Б. В.” — великолепен. <...> Речь о Федора — великолепно. Даже хотел ему писать. <...> Все [в вестнике. — К.П.] верно, важно» (14 окт. 1915 г.). И в следующем письме от 20 октября те же слова: «Феодору напишу»³⁰. Отвечая, владыка вновь развил свою мысль: «“Наши”, разумею академическую среду, и вообще богословствующую, никак не понимают, что христианство нельзя сочинять, а нужно его сначала воспринять как новую совершенную жизнь; <...> что “богословствование” и “богословская наука” не одно и то же: и первое — миг благодатной христианской жизни, а второе — от рассудка, часто “восстающего на разум Христов”»³¹. Семь месяцев спустя Василий Васильевич благодарно отозвался в «Новом времени», говоря о под-

---

²⁷ *Феодор (Поздеевский), еп.* К академическому новолетию // Богословский вестник. 1915. №9. С. 7.

²⁸ Воспоминания об Андрее Белом... С. 120, 156.

²⁹ *Розанов В.В.* О С.Н. Булгакове... С. 364.

³⁰ *Розанов В.В.* Литературные изгнанники... С. 356.

³¹ Цит. по: *Воронцова И.В.* Русская религиозно-философская мысль в начале XX века... С. 144.

цензурном еп. Волоколамскому «Православном народном листке», — «Прочел <...> и вижу — все работа около земли, около хлебов, и с насыщением хорошим духовным хлебом. Да за последним смотрит строгий отец-ректор Феодор (он строгий и даже не без суровости, судя по его кратким и всегда выразительным речам к наставникам и учащимся академии, печатаемым изредка в “Богословском вестнике”»³².

Тревогу А. Белого и Н.А. Бердяева, имея за плечами опыт трех революций, гражданской войны и первых эмигрантских лет, склонен был разделить протоиерей Сергей Булгаков. Иная тональность не меняет смысла его раздумий: «...про себя лично скажу, что, хотя в бытовых и практических отношениях я шел об руку с этим культурным консерватизмом (как он ни был слаб в России), исповедовал почвенность, однако в глубине души никогда не мог бы слиться с этим слоем, который у нас получил в идеологии наиболее яркое выражение в славянофильстве (с осколками славянофильства: Ф.Д. Самариним, П.Б. Мансуровым, М.А. Новоселовым, В.А. Кожевниковым и др. я дружил и лично). Меня разделяло общее ощущение мира и истории, какой-то внутренний апокалипсис, однажды и навсегда воспринятый душой, как самое интимное обетование и мечта. Русские почвенники были культурные консерваторы, хранители и читатели священного предания, они были живым отрицанием *нигилизма*, но они не были его преодолением, не были потому, что сами они были, в сущности, духовно сыты и никуда не порывались души их, никуда не стремились»³³.

Все же, главное в этой характеристике для понимания «Кружка...» — без сомнения, «дружба». Ведь и формулировка «новоселовщина с флоренщиной» подразумевает соучастие, сообщество. Вот оно, видимое не ретроспективно и не сторонним критиком, а непосредственно в ответе В.А. Кожевникова Ф.Д. Самарину по «плану бесед»: «От Ваших мыслей <...> я в настоящем восторге: так по душе мне это опасение стать “учителями” и миссионерами! так верна мысль о том, что поучение в данном случае достигаться должно *взаимностью, собеседованием, духовным общением* <...> *надо не учить откуда-то сверху, а совместно поучаться*, в простой непринужденной *дружеской* беседе. <...> Итак, с этой стороны, — задумано прекрасно!» (26 июля 1907 г.)³⁴.

---

³²Розанов В.В. Духовенство на народной службе... С. 213–214.

³³Булгаков С.Н. Пять лет (1917–1922)... С. 89.

³⁴Письма В.А. Кожевникова Ф.Д. Самарину... С. 299.

Неудивительна позднейшая оценка свящ. П.А. Флоренским вклада Ф.Д. Самарина, воплощавшего родовую традицию: «Первоначальное славянофильство, опираясь на дружески-родственное ядро, справедливо подчеркнуло значение дружества — познавательное и почти догматическое. <...> Феодор Дмитриевич оставался верен этой первоначальной стихии славянофильства. Он искал дружеского общения, хотел дружеского обсуждения интересовавших его богословских, философских и церковно-общественных вопросов, не доверяясь мысли одинокой и вместе не полагаясь на сношение печатное, в котором нет общения личного»³⁵.

Подлинного единодушия желали и корреспонденты Самарина. М.А. Новоселов писал о молитвенной связи, необходимой для «внутреннего единения». Архимандрит Феодор не согласился с председателем в том, что «единение в молитве *есть лишь общение в области чувств*», уверяя: «только <...> в молитвенном единении возможно не только “едино сердце и уста”, но и “*едина воля и едина мысль*”»³⁶.

Возникали разногласия по существу бесед. Отвергая «систему школьных богословских формул, определений и т.д.» как «отживший свой век, старый, никуда не годный хлам»³⁷, Ф.Д. Самарин, на взгляд товарищей, становился излишне радикален³⁸. Эта категоричность насторожила В.А. Кожевникова, поспешившего написать в ответ: «Я и сам — враг богословской неподвижной схоластики; но все же, думается, приговор слишком широко поставлен. <...> Только непосредственным обращением к Евангелию, полагаете Вы, может современная религиозная мысль освободиться от разных человеческих, чуждых сущности Христианства наслоений “*предрассудков* и выработать себе *новые формы*, которые отвечали бы умственным и нравственным запросам настоящего времени и т.д.” <...> Но не опасаетесь ли Вы, многоуважаемый Федор Дмитриевич,

---

³⁵Флоренский П., свящ. Памяти Феодора Дмитриевича Самарина... С. 342.

³⁶Письма В.А. Кожевникова Ф.Д. Самарину... С. 298.

³⁷Там же. С. 300.

³⁸С.Н. Дурылин передал такой характерный диалог. «Однажды Рачинский стоял перед витриной книжного магазина и видит Федора Самарина, <...> рассматривающего книги. — Вот, — говорит, — ишу учебник по Закону Божию для сына. — Купите “Введение в атеизм”. Тот сразу понял: — У меня Макарий есть. (“Введение в православное богословие” митр[ополиита] Макария, отличающееся своей сухой схоластикой! [прим. С.Н. Дурылина. — К.П.]» (Дурылин С.Н. В своем углу... С. 188).

что *другим*, и, быть может, в составе нашего “Кружка”, покажется трудно допустимым, чтобы само “учение веры”, то есть догматика, была бы, *в своем существенном содержании*, еще не закончена?». Кожевникова тревожило, что столь «вольный» богословский подход может привести к утрате православного знания о Церкви, послужить соблазном для «людей молодых и без того слишком предубежденных против догматики»³⁹.

Гораздо более сдержанной была и позиция ректора семинарии архим. Феодора (Поздеевского). Согласившись с Ф.Д. Самариним в том, что «школьное богословие стоит на ложном пути», он указал, что все «свежие ростки» здесь могут быть лишь «побегами единого святоотеческого корня». Отсюда и «наша задача теперь, после того, что сделали св. отцы, не творчество нового, а возобновление старого, популяризация их творческой работы»⁴⁰.

Внутренняя полярность была присуща работе «Кружка...», во многом организовывая творчество участников. Причем, место владыки Феодора, кто бы ни занимался раскладкой общих координат, было именно «справа». Самих же «ищущих» не оставляло желание преодолеть разобщенность, в которой чувствовалось не уникальное своеобразие «Кружка...», а серьезная помеха на пути к цели. Так, спустя пять лет, В.А. Кожевников писал Ф.Д. Самарину: «Право, мы слишком уже щепетильно относимся к опасности расхождений во мнениях о некоторых вопросах: при единении в главном, в существенном, и при том духовном сплочении, которое, по милости Божией, уже действительно создало некое духовное братство между нами, такие расхождения не нарушат ни мира взаимного, ни субъективного мира совести каждого. Но беседы — беседами... А из намеченных Вами двух практических задач первая — издание избранных святоотеческих творений <...> — прямо отвечает одной из моих заветных мыслей. <...> Значительно труднее, думается мне, было бы выполнение второго: составление или издание краткого толкования на Св. Писание или, сначала, — на новозаветные книги. Нечего доказывать, что такая работа нужна и своевременна. <...> ни западные толкования, ни наши современные, ни, наконец, древние, отцов и учителей Церкви, — не то, чего Вы хотите. <...> Но думаете ли Вы, чтобы эту

---

³⁹Письма В.А. Кожевникова Ф.Д. Самарину... С. 300, 302.

⁴⁰Письма В.А. Кожевникова Ф.Д. Самарину... С. 298.

«Кружком...» в рамках издательской деятельности М.А. Новоселова задумывался выпуск серии святоотеческих трудов. В ее подготовке участвовали свящ. П.А. Флоренский, С.П. Мансуров.

потребность ощущали <...> и *другие*, близкие нам люди, скажем, например, авва Михаил [так несколько в шутку называли М.А. Новоселова. — *К.П.*]?. Или епископ Феодор? Мне кажется, что для них наилучшее толкование уже дано, уже готово в трудах святоотеческих на эту тему и что таковые, по их мнению, не превзойти. <...> Не знаю, как пройдет вопрос о сочетании святоотеческих толкований с “новыми” и у нашего левого фланга, например, у Сергея Николаевича (Булгакова. — *К.П.*)? <...> В этом-то именно и могла бы сказаться *совместная* работа мысли “Кружка” и могли бы проявиться результаты его коллективных убеждений, его критерия, его способа соединять неветшающее древнее со здоровым новым! <...> Но боюсь, сильно даже боюсь, что тут-то и не удастся достигнуть нам соборного единства в нашем скромном духовном братстве»⁴¹.

Подавно «строг» был владыка Феодор для упомянутого «левого фланга». С.Н. Булгаков недаром взял его в пример, говоря в письме к свящ. П.А. Флоренскому (23–24 февраля 1914 г.) о несовместимости эзотерики А.Н. Шмидт с миром «традиционной», «обычной» Церкви: «Потому думаю, что призыва осторожности от классной дамы (будет ли то еп<ископ> Феодор...) Анна Николаевна [Шмидт. — *К.П.*] не услышала бы и не послушала бы, а сия дама должна была бы ее по правилам заведения <...> исключить...»⁴².

Не стоит, однако, преувеличивать это деление в рамках «Кружка...». В противном случае сотрудничество вряд ли оказалось бы возможным. Тот же С.Н. Булгаков рассчитывал на помощь владыки в работе над наследием и биографией архимандрита Феодора (Бухарева)⁴³, чей пререкаемый труд («Исследование Апокалипсиса») увидел свет на страницах печатного органа академии в 1913–1916 гг. Более того, предлагая в 1912 г. свящ. П.А. Флоренскому возглавить издание «Богословского вестника», вл. Феодор, конечно же, был в курсе намечаемых им перемен в редакционной линии, невозможных без привлечения сотрудников, единомышленных и интересных новому редактору. По письму свящ. Павла В.Ф. Эрну (26 июня 1912 г.), видно, что он колебался: «Если бы я взялся за это дело, то мне надо бы поставить журнал *живо*. А я не знаю, найдутся ли для этого силы. Разумеется, если я соглашусь, то заручившись твердым обещанием

---

⁴¹ Письма В.А. Кожевникова Ф.Д. Самарину... С. 341–343.

⁴² Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергием Николаевичем Булгаковым... С. 83.

⁴³ Там же. С. 45–46.

помощи со стороны “своих”, то есть Вас, С. Н-ча [Булгакова. — *К.П.*], Волжского [А.С. Глинки. — *К.П.*], М.А. Новоселова, Саши [А.В. Ельчанинова. — *К.П.*] и т.д...»⁴⁴. Сколь ответственным для самого ректора (цензора издания) было это предложение видно из сказанного о. Павлом В.В. Розанову (24 мая 1913 г.): «...Новоселов сейчас *persona ingrata* (нежелательное лицо (*лат.*) — *К.П.*) <...> Булгаков, Бердяев, “Путь”⁴⁵, Эрн находятся у Остроумова⁴⁶ и др. под подозрением в тайной революционной пропаганде (это я *достоверно* знаю от еп. Феодора)»⁴⁷. Приняв назначение, Флоренский делился своими взглядами и планами с В.Ф. Эрном (20 декабря 1912 г.): «Ругайте иезуитов сколько угодно — это полезно. Под видом протестантов разделяйтесь с Тареевым⁴⁸ и проч<ими> — сему рукоплещу. Хвалите Восток, Макс<ма> Исп<оведника>, Дион<исия> Ареоп<агита>, Григория Паламу, Николая Кавасилу и т.д. и т.д. — сие лобзаю. <...> Не по поводу “Б<огословского> В<естника>”, это было бы слишком громко, — но скажу: нам надо создавать православную науку, ее почти нет, если не считать *утерянных* нитей отеческой мысли и лишь еле-еле нащупываемых в монастырях да отд<ельными> лицами. История, археология, филос<офия> во всех ее разветвлениях, даже богословские науки — все это требует творческого слова. Будем же хоть почву расчищать для этой работы»⁴⁹.

⁴⁴Цит. по: Андроник (Трубачев), *изум.* Священник Павел Флоренский — профессор Московской духовной академии и редактор «Богословского вестника»... С. 301.

⁴⁵В редакционный комитет книгоиздательства «Путь» входили Е.Н. Трубецкой, Г.А. Рачинский (заведующий издательством), С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев (вышел в 1912 г.), В.Ф. Эрн. Инициировала и финансировала предприятие М.К. Морозова.

⁴⁶М.А. Остроумов — доктор церковного права, член Училищного совета Св. Синода, редактор еженедельной газеты «Церковные ведомости» (СПб.), проф. Харьковского университета, в 1874–1875 гг. преподавал в Тамбовской семинарии.

В.А. Кожевников писал Ф.Д. Самарину летом 1907 г.: «Я очень обрадовался проекту пригласить М.А. Остроумова для чтений в “Кружке”. Это основательный ум, широко подготовленный в своей специальности и в высшей степени опытный в педагогическом отношении» (Письма В.А. Кожевникова Ф.Д. Самарину... С. 309).

⁴⁷Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 128.

⁴⁸«Тареев, например, пишет “Самосознание Христа”. Самосознание! А личность Его была? Ничего об этом не говорит», — характеризовал профессора (сменившего, кстати, весной 1917 г. свящ. П.А. Флоренского на посту редактора) спустя двадцать лет вл. Феодор (Лосев А.Ф. «Я сослан в XX век...»... С. 531).

⁴⁹Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрна и др.... С. 499.

Вместе с Флоренским в вестник пришел «Кружок...», чьи возможности он так ценил, — со своими противоречиями, личными поисками участников, но и обязательно со стремлением к сплоченности и единству. Но не только — В.А. Кожевников в письме, отправленном 15 апреля 1913 г., радовался удаче редактора: «Как хорошо, что Вы привлекли статьи В.В. Розанова в Б.В.! В “Анафеме” [«Впечатления мирянина. “Торжество Православия” в служении Антиохийского Патриарха». — *К.П.*] тон могучий, местами — прямо потрясающий. Воображаю, как прогневит 2-я статья левый лагерь!»⁵⁰. Действительно, этой второй — «Не нужно давать амнистию эмигрантам» (за резкость тона отклонена редакцией «Нового времени») — предстояло сыграть особую роль в судьбе автора. Вместе со статьей «Андрюша Ющинский» (Земщина, 13 октября 1913 г.) она дала повод исключить В.В. Розанова из Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества, инициатором которого он был. Впрочем, логика происшедшего вполне ясна. Еще в конце 1907 г. Д.С. Мережковский писал из Парижа А.С. Глинке-Волжскому, отмечая перемену: «Вы все “поправели”, мы [адепты «нового религиозного сознания»]. — *К.П.*] — “полевели”. И это не на политической суетной поверхности, а глубже, принципиальнее. <...> Сближение Булгакова с Новоселовым, который есть несомненный “черносотенец”, их общее склонение к православному “жизню-бытью” производит на нас самое тягостное впечатление. <...> Ревную я вас всех к православию...»⁵¹.

Любопытно, но сходную эволюцию самого В.В. Розанова, — едва ли не главного «антигероя» (среди прочих Д.С. Мережковский, Н.М. Минский, К.Д. Бальмонт, В.А. Тернавцев, Н.А. Бердяев, Ф. Ницше, М. Горький, Л.Н. Андреев) академических лекций и печатных выступлений⁵² вл. Феодора, — отмечал сам епископ: «Я читал почти все Ваши сочинения. Сначала смущался, потом возмущался. Последние Ваши мысли (“Уединенное”, и в “Нов. Вр.”⁵³) стали радовать за Вас. А статья “Мы хороши”⁵⁴, сию минуту прочитанная, уже ободряет

---

⁵⁰Переписка П.А. Флоренского и В.А. Кожевникова... С. 112.

⁵¹Цит. по: *Колеров М.А.* «Не мир, но меч». Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909... С. 266.

⁵²См.: Современная моральная беспринципность в приложении к вопросу о характере христианской жизни // Мирный труд. 1907. №2.

⁵³В.В. Розанов был постоянным сотрудником «Нового времени», одной из крупнейших русских газет.

⁵⁴«Мы всегда хороши»... // Новое время. 1912. 12 дек. №13203.

и нас» (14 дек. 1912 г.)⁵⁵. Ректор МДА, вся жизнь которого была связана с духовной школой (учился, затем преподавал и начальствовал, пережив 2 мая 1906 г. покушение семинариста в Тамбове) вряд ли обошел вниманием слова писателя: «В старой бурсе, где было так ужасно жить, где даже “секли за проступки” никто не самоубивался. <...> Да из такой сеченой бурсы вышли и Филарет Московский, и Иннокентий Таврический. <...> Но перестали сечь: вдруг молодые люди сами себя начали “сечь” самоубийствами и преступлениями. <...> “Человеку должно быть тяжело” — вот закон. <...> Да почему?! — Да потому, что он “не ангел”, которые *одни* “летают”, а — “стопоходящее существо”, с *виною на себе*, с виною всеобщей, неотложной, индивидуальной у каждого. И за эту-то... “вину” должен нести и “тяжесть”. А нет ее, — и “вину” он выражает в “преступлении”. Те, которые “всех вообще секли”, секли за врожденное, скрытое у всех преступление. И ведь оно в самом деле есть, и его надо чем-то “прижать к земле”»⁵⁶.

«Глубокоуважаемый, дорогой Василий Васильевич! <...> Вчера у нас в “Кружке” была беседа; Серг. Никол. Дурылин, милый, умный и чистый своею *русскою* душой, молодой, но уже достаточно известный лектор делился своими впечатлениями о северных русских храмах и иконах... а кончил он чтением Вашей статьи “Русс. церковное воспитание”⁵⁷; и все присутствовавшие и внимавшие были зачарованы и приведены в умиление. Создался момент (не боюсь сказать) *литургически-благоговейный*. И если такие настроения даются чтением Ваших этих страниц, значит, в них воплотился воистину благодатный сев “бесценного бисера — Христа”...», — писал В.А. Кожевников в конце ноября 1914 г.⁵⁸ «Не разрешите ли Вы мне напечатать 2–3 страницы в “Бог<ословском> вест<нике>” о книге В<асил>ия В <асильевича> “Война 1914 г. и возрожд<ение>”? Долг совести и безграничного преклонения пред мудростью и слезами этой книги велит мне просить об этом. Я остановлюсь само собою पहले всего на “Русс<кое> религиоз<ное> восп<итание> и немец<кие> зверства” и укажу на эту статью, как на ось, вокруг кот<ор>ой может вращаться

⁵⁵Цит. по: Воронцова И.В. Русская религиозно-философская мысль в начале XX века... С. 143.

⁵⁶Розанов В.В. «Мы всегда хороши»... С. 245–246.

⁵⁷Статья «Русское церковное воспитание и германские зверства» вошла в книгу «Война 1914 года и русское возрождение» (Пг.: «Новое время», 1915), вышедшую в ноябре 1914 г.

⁵⁸Письма В.А. Кожевникова В.В. Розанову... С. 93.

все понимание совр<еменных> событий», — спрашивал 8 декабря о Павла сам Дурылин⁵⁹.

И все же — «Как Вы такого декадента и символиста, как Флоренский, поставили редактором “Богословского вестника”?» — интересовался у архиепископа в 1932 г. (!) А.Ф. Лосев, оказавшийся вместе с ним в заключении на Свирьстрое. «Все знаю. Символист, связи с Вячеславом Ивановым, с Белым <...> Но это почти единственный верующий человек во всей Академии! <...> Когда я стал ректором <...> и познакомился с тем, как ведется преподавание, со мной дурно было. Такой невероятный протестантский идеализм — хуже всякого тюбингенства⁶⁰». (Недаром восклицал С.Н. Булгаков: «О. Федор, м<ожет> б<ыть>, попадет в ректоры Академии, жаль его!» (11 июля 1908 г.)⁶¹) А Розанов? «Скажите, я его спросил», — продолжал вспоминать А.Ф. Лосев, — «отец Павел, вы видели гениальных людей? Да. Это Вячеслав Иванов, Андрей Белый и Василий Васильевич Розанов»⁶².

По переписке участников «Кружка...» видно, что ректор не переставал следить за работой академического журнала и после того, как ее возглавил доверенный человек. «Дорогой Володя!», — писал В.Ф. Эрну в Италию о Павле, — «должен бы поблагодарить Вас за Ваши прекрас<ые> “Письма о Риме”⁶³. 1-ое уже вышло в свет <...> и всем нравится, в частн<ост>и получило одобрения и похвалы Преосв<ященного> Феодора, рект<ора> Ак<адемии>» (20 декабря 1912 г.)⁶⁴. М.А. Новоселов информировал редактора 7 ноября 1916 г.: «Владыка, увидев у меня рукопись Веры Тимофеевны Верховцевой и узнав ее содержание, возжелал напечатать ее в “Б. В.”⁶⁵ (Я, вероятно, раньше сказал ему, что Вы ду-

---

⁵⁹ Письма С.Н. Дурылина к свящ. Павлу Флоренскому... С. 202.

⁶⁰ Работы протестантской богословской школы, сложившейся в Тюбингенском университете в 30-е гг. XIX в., известны радикальной исторической и филологической критика Библии.

⁶¹ Взыскующие града... С. 168.

⁶² Лосев А.Ф. «Я сослан в XX век...»... С. 530–531, 540.

⁶³ См.: Эрн В. Письма о христианском Риме. Письмо первое // Богословский вестник. 1912. №11. Всего за год было опубликовано 4 письма.

⁶⁴ Взыскующие града... С. 499.

⁶⁵ См.: Верховцева В.Т. Светлой памяти Отца Иоанна Кронштадтского // Богословский вестник. 1916. №10–11–12.

В. Т. Верховцева сыграла большую роль в судьбе владыки Феодора в пору его ректорства, способствовав искреннему сближению («после целого ряда лет недоброжелательства и непонимания» со стороны епископа) с правящим архиереем свт. Макарием (Парвицким-Невским) (на

маете ее напечатать) и даже подписал “разрешение”⁶⁶. Иной пример: В.А. Кожевников в письме от 23 декабря 1913 г. благодарил о. Павла: «Спасибо Вам и автору статьи о Федорове в Декабр. книжке (рецензия С.А. Голованенко на двухтомник сочинений Н.Ф. Федорова, подготовленный и изданный Кожевниковым вместе с Н.П. Петерсоном. — *К.П.*). Статья серьезная, дельная и для выяснения значения Федорова очень полезная»⁶⁷. Однако, отвечая вскоре (5 марта 1914 г.) горячему последователю Н.Ф. Федорова Н.П. Петерсону, Владимир Александрович отметил, что еп. Феодор запретил публикацию (в февральском выпуске) следующей статьи Голованенко об учении Н.Ф. Федорова как «распространяющей идеи, несогласные с некоторыми истинами христианского учения», несмотря на стремление автора дистанцироваться от положений Федорова⁶⁸.

Опубликовав за время сотрудничества в «Богословском вестнике» (1913–1917 гг.) свыше 20 материалов, С.А. Голованенко большую часть статей (были еще рецензии) посветил разбору «философии общего дела» и отношения ее к христианству. Но в февральском номере за 1914 г. его работ, действительно, нет. Молодого талантливого автора, закончившего академию в 1912 г., высоко ценил свящ. П.А. Флоренский. Успев «привязаться» к нему за годы учебы, писал своему учителю проф. А.И. Введенскому: «по совести могу сказать, что сделал, что мог, чтобы “воспитать” его так, чтобы <...> дать за него, как за ученика, ответ пред Богом. <...> Вы спросите, о чем я старался. Менее всего о том, чтобы “приготовить” “профессора”, а исключительно о том, чтобы помочь развиться “человеку”, т. е. <...> сознательному и убежденному борцу за христианство, который был бы во всеоружии и в которых мы, наша Русская Церковь, так нуж-

---

Московской кафедре с 25 ноября 1912 г.) (Благодарю Бога моего. Воспоминания Веры Тимофеевны и Натальи Александровны Верховцевых... С. 12 - 13).

У старца-митрополита духовно окормлялся и близкий ректору архим. Герман (Ряшенцев), возглавлявший в ту пору Вифанскую сенинарию. Среди поклонников свт. Макария назовем еще наместника Чудова монастыря, затем московского викария еп. Серпуховского Арсения (Жадановского). Необходимо помнить, что вл. Феодор не считал удаление митрополита на покой в марте 1917 г. (помогли преклонный возраст, отсутствие высшего образования, ходячие клише «ставленника Распутина», «приверженца старого режима») мерой канонически возможной.

⁶⁶Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым... С. 157.

⁶⁷Переписка П.А. Флоренского и В.А. Кожевникова... С. 116.

⁶⁸Там же. С. 146.

дается теперь»⁶⁹. Был Голованенко симпатичен и Розанову, желавшему выдать за преподавателя Ярославской семинарии одну из дочерей⁷⁰.

Все же, последнее слово было за еп. Феодором. «Дорогой и многоуважаемый Павел Александрович! <...> Я думал, что напечатание в “Бог<ословском> Вест<нике>” зависит всецело от Вас. Сильно опасаясь, что ректор не пропустит», — беспокоился о статье «Эллинизм и Церковь»⁷¹ С.М. Соловьев (27 авг. 1913 г.). Поэт-символист, внук знаменитого историка, племянник и биограф В.С. Соловьева, выпускник историко-филологического факультета, в 1915 г. он поступил на второй курс академии, окончив которую (1918 г.) остался преподавателем, приняв в феврале 1916 г. священнический сан (впоследствии перешел в унию). В его словах нет предвзятости. «... Мечтаю приехать в Лавру на несколько дней. Хочется повидать пресвященного Феодора. Я много слышал о нем от римского архимандрита Дионисия, ныне епископа в Кременце⁷²», — начало переписки с о. Павлом (8 июля 1913 г.). «Передайте, пожалуйста, преосвященному Феодору, что я очень благодарен ему за изменения и пропуски в моей статье⁷³. Я совершенно не умею поправлять и изменять раз написанное, и тем более рад, когда это делают другие, с тактом и пониманием дела» (25 марта 1915 г.)⁷⁴.

В конце 1912 г. неперемный член Св. Синода епископ Никон (Рождественский) (видный церковный журналист, возглавивший вскоре новообразованный Издательский совет при Синоде, настоятель Данилова монастыря в 1904–1908 гг.), В.А. Кожевников, М.А. Новоселов и Ф.Д. Самарин академическим Советом и Св. Синодом были утверждены в звании почетных членов МДА⁷⁵. «Этим избранием Совет Моск. дух. академии заявил, что он ценит и

---

⁶⁹Флоренский П., *свящ.* Избранные письма профессорам Московской духовной академии... С. 762–763.

⁷⁰Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 395.

⁷¹Богословский вестник. 1913. №9.

⁷²Дионисий (Валединский), митрополит Варшавский и Волынский и всея Православныя Церкви в Польше (1923–1948), сокурсник вл. Феодора по Казанской академии, в 1911–1913 гг. настоятель посольской церкви в Риме, автор путеводителя по его святыням (Холм, 1912).

⁷³Идея Церкви в поэзии Вл. Соловьева // Богословский вестник. 1915. №1–2.

⁷⁴Павел Флоренский и символисты: Опыт литературные. Статьи. Переписка... С. 540, 542, 549.

⁷⁵Причем первые два не имели высшего образования. Еп. Никон, закончив Московскую семинарию, поступил послушником в Ново-Иерусалимский монастырь и отказался от учебы в академии. В.А. Кожевников, по единодушной оценке знавших его, один из самых ученых людей своего

ставит высоко заслуги указанных работников на поле церковном»⁷⁶. Инициатива по выдвижению трех последних кандидатур принадлежала, скорее всего, еп. Феодору, возникнув благодаря «Кружку...». Отец Павел Флоренский сообщал В.А. Кожевникову 15 марта: «В этом году надо подготовить почву для юбилея “Рел.-фил. библиотеки”, и я думаю летом поместить в “Бог. вестн.” статью о “Рел.-фил. библ.” и ее основателе [М.А. Новоселове. — *К.П.*]. Но, вместе с тем, мне хотелось бы, — а таково же и желание преосв. Феодора, — подготовить почву и для Вашего избрания <...> и не нахожу для этого более удобного пути, как написать статью о Вас. Впрочем, таковая давно необходима и независимо от вопроса об избрании Вашем, — необходима для нас, для России, ибо все русское у нас затирается. Это дело не только *Вашей* известности, но — и силы нашего общего направления к церковности и самобытности народной. Вот почему Вы не имеете права, каков бы ни был голос Вашей скромности противиться нашему (т.е. преосв. Феодора, моему, сюда же отнести надо Ф.К. Андреева) желанию и намерению»⁷⁷.

Продолжая уговаривать Кожевникова, о. Павел, исходя из условий академической работы, раскрывал смысл отличия. 19 марта 1912 г.: «Ваше отношение к Академии должно благотворно повлиять на наши нравы. Посмотрите, люди в год ухитряются написать и чуть не напечатать докторскую диссертацию, в которой все основано на вещах им до того вовсе не известных и требующих большого времени <...> водворяется какое-то циническое трактование культуры и науки. <...> Вот, Вы, более, чем кто-нибудь в России, даже *без* всяких слов, просто фактом своего существования, можете противодействовать этому бесстыдству. Повторяю, Ваше отношение к Академии положительно необходимо для нас, для церковной науки, и мне было бы тяжело видеть в Вас непонимание или несознание этой важности»⁷⁸. Флоренский готовил программу издания трудов будущего корпоранта, чьи научные достижения и возможности ценил очень высоко. 17 августа 1912 г.: «...главный интерес от Ваших работ именно *в их целом*. Каждую

времени, посещал вольнослушателем Московский университет, огромные знания приобрел, самостоятельно занимаясь в крупнейших книгохранилищах России и Европы. Самарин и Новоселов были выпускниками историко-филологического факультета Московского университета.

⁷⁶Избрание новых почетных членов Московской духовной академии // Богословский вестник. 1912. №12. С. 863.

⁷⁷Павел Флоренский и символисты: Опыт литературные. Статьи. Переписка... С. 97.

⁷⁸Переписка П.А. Флоренского и В.А. Кожевникова... С. 101.

из Ваших монографий, в отдельности, б. м. и могут написать другие; но никто в мире не возьмется написать *цикл* Ваших работ, суть которых коротко можно передать сенековским: *Volentem fata dicunt* (к христианству) *volentem — trahunt* [Желающего идти судьба ведет, не желающего — влечит (*лат.*) — К.П.]. Ваша точка зрения столь оригинальна... и, главное, столь *конкретно* (а в этом — все дело) доказывается, что было бы грехом лишить нас трудов, где она осуществлена. <...> Мих. Алекс. [Новоселов. — К.П.] <...> высказывает желание печатать Ваши орега в “изданиях Рел.-фил. Библ.”. <...> Со стороны денежной особенных затруднений не предвидится, ибо часть трудов можно будет напечатать в “Бог. вестн.” и издать оттисками, а часть — непосредственно. Ваши труды хорошо расходятся»⁷⁹. Наряду со свв. отцами, А.С. Хомяковым, Ф.М. Достоевским, вл. Антонием (Храповицким), В.А. Кожевников — наиболее цитируемый автор академического курса лекций еп. Феодора.

Представления к избранию Новоселова и Кожевникова написал Флоренский. Ф.Д. Самарина — Ф.К. Андреев, в следующем году успешно выполнивший кандидатское сочинение «Юрий Федорович Самарин, как богослов и философ» и тут же назначенный исполнять должность доцента академии по кафедре Систематической философии и логики⁸⁰.

Высокое отличие подчеркивало значение, придававшееся существованию и работе «Кружка...», демонстрировало приязнь и уважительное отношение официального церковного круга. «Я вполне сознаю, что не имею никаких прав на это почетное звание и обязан избранием лишь имени, которое ношу, и благосклонному отношению ко мне Преосвященного Феодора, а также, может быть, моему скромному участию в Новоселовском кружке, которому хотели оказать внимание», — писал о. Павлу Ф.Д. Самарин⁸¹.

---

⁷⁹Там же. С. 107–108.

⁸⁰Член «Кружка...», Ф.К. Андреев, блестяще окончивший академию, конечно же, испытывал поддержку старших кружковцев — свящ. П.А. Флоренского и самого ректора. Завязавшееся в «Кружке...» общение с братьями Ф.Д. и П.Д. Самариными способствовало как выбору направления исследования, так и успеху работы. Магистерское сочинение, так и не защищенное, продолжало тему «Из истории религиозных и философских исканий ранних славянофилов. Юрий Федорович Самарин и его друзья». По этим назначениям (о. Павла — редактором вестника, Ф.К. Андреева — сразу на преподавательскую должность) видно старание ректора иметь близких людей в академии.

⁸¹Переписка Ф.Д. Самарина и священника П.А. Флоренского... С. 263–264.

Неудивительно, что к тому же году относится попытка свящ. П.А. Флоренского устроить С.Н. Булгакова преподавателем в академию⁸². В.А. Кожевников не преминул заметить (15 марта 1912 г.): «Дай Бог удачи в этом! Для Академии это было бы ценное, оздоравливающее приобретение, да и самому С. Н-чу было бы, я думаю, приятно»⁸³.

Судя по переписке, особым вниманием преосвященного Феодора пользовался М.А. Новоселов, ставший в начале века, во многом благодаря «Религиозно-философской библиотеке», заметной фигурой в церковно-общественных кругах обеих столиц. На праздновании десятилетия его издательской деятельности (8 ноября 1912 г., в день именин юбиляра) ректор МДА пожелал присутствовать лично, выразил «свое глубокое сочувствие» трудам и преподавал архипастырское благословение. Приязнь была давней и обоюдной. В.А. Кожевников сообщал 1 октября 1907 г. Ф.Д. Самарину: «У архим. Феодора Михаил Александрович и я были после всенощной, 29-го [30 сент. / 13 окт. совершается память свт. Михаила, первого митрополита Киевского. — *К.П.*]. Он благодарит за избрание его в члены [«Кружка...». — *К.П.*]; беседовали о многом...»⁸⁴. «В Соловки я не ездил, так как два главные спутника — о. Феодор и другой ректор⁸⁵ — отказались от поездки, ибо получили короткие отпуска», — извещал А.С. Глинку-Волжского 27 июля 1909 г. Новоселов⁸⁶. В своих письмах (как правило, по-деловому кратких) он зачастую предлагает: «Дорогой отец Павел!

⁸² «Моя... мечта... не так неосуществима, как думает, вероятно, он сам», — делился о. Павел с В.А. Кожевниковым (Переписка П.А. Флоренского и В.А. Кожевникова... С. 93).

Казалось (и тоже не впервые), такая возможность уже открывалась летом 1910 г. Тогда, с ведома ректора еп. Феодора, Булгакова пытались устроить на место заслуженного проф. М.Д. Муретова, выдающегося ученого, апологета, знатока святоотеческого богословия, числившегося по кафедре Священного Писания Нового Завета, уволенного 4 октября с оставлением сверхштатным профессором, а в следующем году избранного почетным членом МДА.

В конце 1913 г. М.Д. Муретов, ставший к тому времени соавтором о. П. Флоренского по предисловию к «имяславческой» «Апологии...» о. Антония (Булатовича), был избран почетным членом родной ректору Казанской духовной академии, никогда там не учившись и не преподавав (в 1877 г. он недолгое время преподавал греческий язык в Тамбовской духовной семинарии).

⁸³ Переписка П.А. Флоренского и В.А. Кожевникова... С. 94.

⁸⁴ Письма В.А. Кожевникова Ф.Д. Самарину... С. 310.

⁸⁵ Вероятно, еп. Волоколамский Евдоким (Мещерский), предшественник вл. Феодора на посту ректора академии. 1 августа 1909 г. был назначен еп. Каширским, викарием Тульской епархии. Ему принадлежит сочинение «Соловки. Страничка из дневника Паломника» (М., 1899). Вл. Евдоким — выпускник МДА 1894 г., постриженник ректора архим. Антония (Храповицкого).

⁸⁶ Взыскующие града... С. 202.

Если Вам не неудобно, приходите в квартиру ректора: у меня есть важное дело, о котором нужно бы с Вами поговорить в уединении. Будем здесь пить чай и обмозговывать некоторые документы» (11 июля 1911 г.); «Приходите, если можно, <...> пить чай в покои ректора. <...> Не забудьте захватить корректуру» (30 июня 1912 г.)⁸⁷. Когда в начале февраля 1913 г. Новоселов серьезно заболел (принимая близко к сердцу перипетии «афонского дела» «имяславцев» и готовя к изданию «Апологию веры во Имя Божие и во Имя Иисус» о. Антония (Булатовича)), еп. Феодор «усиленно звал» его к себе, «гарантируя полное выполнение предписанного режима. Это нравится М[ихаилу] А[лександровичу]...»⁸⁸. Священник Сергей Сидоров вспоминал, что знакомство с Новоселовым послужило ему достаточной рекомендацией в глазах владыки⁸⁹.

Близость эта не прекратилась и в годы всеобщих перемен. Из писем М.А. Новоселова к свящ. П.А. Флоренскому известно, что на рубеже 1919–1920 гг. он, оставив квартиру в доме Ковригиной (близ Храма Христа Спасителя), где в свое время проходили заседания «Кружка...», поселился в Даниловом монастыре. «Письмо адресуйте: Москва, Данил. м-рь, кв. настоятеля», — предупредил он о. Павла. «Положением своим в Дан. пока доволен, — чтобы не сказать больше, — несмотря на некоторые неудобства, как напр., на отсутствие отдельной комнаты. Но и “угол” дает больше, чем Ковригинская квартира, т.к. имею досуг и тишину для занятий. Конечно, ежедневно бываю в церкви, работаю и физически — разгребаю снег, иногда варю пищу...», — сообщал Новоселов в первом письме от 30 ноября (ст. ст.) 1919 г. Необходимые «занятия» были связаны с защитой «имяславия». Неустанным апологетом этого учения Михаил Александрович стал задолго до его синодального запрещения в мае 1913 г., инициированного архиепископами Антонием (Храповицким) и (в меньшей степени) Никоном (Рождественским). Продолжая труды, он обратился к о. Павлу: «Укажите в Синод. Послании и докладах м. Антония и арх. Никона самые криминальные, по Вашему убеждению, пункты. <...> Я усиленно занимаюсь о. Иоанном и м. Филаретом [в наследии о. Иоанна Кронштадтского и митр. Московского Фила-

---

⁸⁷ Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым... С. 59, 68.

⁸⁸ Письма В.А. Кожевникова Ф.Д. Самарину... С. 345.

⁸⁹ Записки священника Сергея Сидорова, с приложением его жизнеописания, составленного дочерью, В.С. Бобринской... С. 43.

рета (Дроздова) Новоселов искал подтверждений спорному учению. — *К.П.*] Жизнь в Дан. м-ре дает возможность много времени уделять этим утешительным занятиям»⁹⁰. Активность Новоселова была велика. В следующем письме от 14 (27) апреля 1920 г. он сетовал на медлительность корреспондента: «Ждал, ждал и до сих пор не дождался от Вас обещанной работы. <...> Мы здесь по-прежнему работаем над уяснением для себя и других глубокого и всеобъемлющего вопроса, в более углубленном уяснении которого должны бы помочь Вы. <...> Пришлите что-нибудь, что здесь переписали бы в нескольких экземплярах и распространили бы среди лиц, заинтересованных вопросом о Имени Божием. Таковые имеются и среди мирян, и среди духовенства. <...> О себе не пишу, т.к. писать пришлось бы слишком много, чтобы передать все пережитое за эти пять месяцев монастырской жизни»⁹¹.

В связи с этими письмами неизбежно возникает вопрос об отношении самого владыки Феодора к «новому учению», имевшему в то время как горячих сторонников, так и не менее уверенных противников. Переписка кружковцев не дает материала для развернутого ответа. Остережемся все же говорить о сочувствии ректора МДА не только богословию схимон. Илариона (автора книги «На горах Кавказа»), иеросхимон. Антония (Булатовича), но и М.А. Новоселова и свящ. П.А. Флоренского.

Интерес владыки к «имяславию», возможно, отразился в предисловии о. Павла (вышло без подписи) к изданию «Апологии веры во Имя Божие и во Имя Иисус» о. Антония (Булатовича), предпринятому М.А. Новоселовым зимой-весной 1913 г. Предваряя публикацию отзыва (так же анонимного) заслуженного проф. и почетного члена МДА М.Д. Муретова, сочувственно встретившего труд афонского иеросхимонаха, о. Павел указал, что перед нами ответ на «полуофициальный запрос <...> епископа»⁹².

Ранее, во многом благодаря настойчивости М.А. Новоселова, ректор академии уже имел возможность соприкоснуться с той средой, откуда вышло «имяславское» богословие. Живя летом в Сергиевом Посаде, М.А. Новоселов пи-

---

⁹⁰Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым... С. 190–191.

⁹¹Там же. С. 191–192.

⁹²Цит. по: *Иларион (Алфеев), митр.* Священная тайна Церкви: Введение в историю и проблематику имяславских споров... С. 463.

сал свящ. П.А. Флоренскому 25 июля 1912 г.: «Податель этого письма, схимонах Иларион <...> хлопочет об устройстве скита на Кавказе. <...> Посмотрите “Устав” и прошения пустынников — и сделайте указания. Надеюсь завтра утром по холодку прийти в Лавру, чтобы вместе с о. Иларионом побывать у еп. Феодора»⁹³. Впрочем, большинство пустынников отрицательно отнеслись к инициативе собрата. Публикуя в 1915 г. свои впечатления от поездки к «гражданам неба», В.П. Свенцицкий передал общее мнение: «Начал еще старый Иларион [написавший «На горах Кавказа». — *К.П.*], но потом раздумал. <...> А тут взялся Иларион [гостивший у М.А. Новоселова. — *К.П.*]. Измучил нас всех, каждый месяц ходил: давай да давай подписи. Мира не стало у нас. Споры да пересуды. Пустынники и решили: пусть хлопочет, только бы в покое оставил». В Москве же ситуация представлялась, вероятно, иначе. «Теперь видим, что худо может быть, а помочь как, не знаем», — закончил собеседник В.П. Свенцицкого⁹⁴.

Была у владыки Феодора возможность получать сведения о «деле» и непосредственно с Афона, где с апреля по октябрь 1913 г. находился в командировке исполнявший должность доцента по 2-й кафедре патрологии МДА иеромонах Пантелеимон (Успенский)⁹⁵. Именно он писал М.А. Новоселову 20 мая 1913 г. (т.е. уже после обнародованного 18 мая определения Св. Синода о еретичности учения «имяславцев»): «...Я слышал об издании Вами наряду с теми прекрасными и поистине душеспасительными для интеллигенции изданиями Р.Ф.Б. [«Религиозно-философской библиотеки». — *К.П.*], пользу коих я на себе испытал <...> какого-то произведения Булатовича... Меня это известие прямо покорило. <...> Простите, дорогой М.А., я хочу пожуричь Вас вот за что: почему Вы доверились собственному мнению, поторопились <...> и не прислушались к голосу старца патриарха⁹⁶ (и покойного патр. Иоакима⁹⁷), к голосу Синода и,

---

⁹³ Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым... С. 69.

⁹⁴ *Свенцицкий В.* Граждане неба. Мое путешествие к пустынникам кавказских гор... С. 27.

⁹⁵ Его очерки «Из записок путешественника по Афону» вышли в январском номере «Богословского вестника» за 1915 г.

⁹⁶ Вселенского патриарха Германа V.

⁹⁷ Константинопольский патриарх Иоаким III, запретивший чтение книги «На горах Кавказа» в русских обителях Афона, скончался 13 ноября 1912 г. 19 ноября П.Б. Мансуров почтил его память докладом в «Братстве святителей Московских», учредителем которого, наряду со многими кружковцами, был еп. Феодор. Если собрания «Кружка...» носили частный характер, то заседа-

наконец, к голосу Св. Церкви⁹⁸? <...> Имея возможность писать Вам об этом без конца, я крайне дорожу временем, поэтому я убедительно просил бы Вас прочесть мои письма к преосв. Феодору»⁹⁹.

На ректора МДА, уже в силу одного его положения, эти «голоса» должны были произвести впечатление, сходное с высказанным о. Пантелеимоном. Не стоит забывать, что едва ли не самую непримиримую «антиимяславскую» позицию занимал архиепископ Антоний (Храповицкий), не скрывавший расположения к своему ученику и постриженнику.

Стоит обратить внимание и на то, что в редактируемом свящ. П.А. Флоренским академическом журнале никакие материалы, ни «за», ни «против» «имяславия», так и не появились, хотя, например, М.А. Новоселов предлагал к публикации полученные от о. Антония (Булатовича) документы¹⁰⁰. Думается, здесь сказались позиция ректора вкупе с осторожностью и богословской аккуратностью самого редактора, не хотевшего «раздувать страсти». А в том, что споры не дают иного результата, он убедился довольно быстро.

Воспоминания заместителя Чудова монастыря архим. Арсения (Жадановского), участника суда над вывезенными с Афона «имяславцами», проведенного в 1914 г. силами Московской синодальной конторы и местных архиереев (в том числе ректора МДА еп. Волоколамского), рисуют малопривлекательные образы вожаков движения: «Чувствовалось, что афонские иноки в своем сердце давно уже произнесли суд не только над собравшимися здесь иерархами, но, как

ния братства были официальнее — почетное председательство принял митрополит Московский Владимир (Богоявленский) (Совет «Братства...» возглавил опять-таки Ф.Д. Самарин).

⁹⁸Датированная 1 сентября 1913 г., вышла листовка Новоселова «Папизм в Православной церкви», в которой автор, словно в ответ о. Пантелеимону, говорит: «... признаем ли мы безусловный авторитет за синодальным Посланием, как таковым, признаем ли в нем “голос Церкви” <...> как того требует Святейший Синод»? «Нет, нет и нет», Синод лишь «посягает на неотъемлемые права церковного тела, хранителя веры — народа православного» (Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым... С. 65). Таким образом, перед нами две различные экклезиологии, причем, новоселовская явно уходит корнями в славянофильские представления о «церковном народе».

Интересно, что в материале «Богословского вестника», посвященном выборам Германа V, в заслугу его предшественнику ставилось стремление сблизить духовенство с мирянами, представить последним участие в церковном управлении (1913. №3).

⁹⁹Там же.

¹⁰⁰Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым... С. 76.

впоследствии и оказалось, и над Святейшим Синодом. И нужно было видеть, с одной стороны — спокойное, кроткое обращение с афонскими иноками всех членов присутствия, а с другой — волнение афонских иноков, чтобы убедиться, кем руководит благодать Св. Духа»¹⁰¹.

Мистический приговор событиям на Св. Горе записал в 1921 г. еп. Варнава (Беляев), в академическую пору входивший в ближайшее окружение ректора. В рассказе об одном человеке, против воли постоянно осаждаемом бесами, есть эпизод: «Но вот однажды они скрылись и не являлись месяца два-три. Когда они явились и он спросил их, где они были, то они ему отвечали: — Ну, Петруха, уж и натворили мы смуты... Слетелись мы все на Афон и там такую кашу заварили, что и не расхлебаешь, — и рассказали ему в подробностях возмущения имябожников. Это было до прихода всякой вести об этом событии в Лысково [где жил герой. — К.П.], а подробности таковы, что после сделались притчей во языцех. У нас старались и стараются воскресить эту ересь. И кто же? Считающиеся учнейшими богословами... И чем обольщают, на что ссылаются? Говорят, якобы потому Господь теперь не принимает нашего покаяния, что мы — вернее, наша иерархия, Синод — отвергли “истинное” учение об имени Христа, нанеся Ему Самому этим тяжкое оскорбление. <...> Бесы у Петрухи, наверное, теперь радуются»¹⁰².

Отметим еще, что в письме В.А. Кожевникова Ф.Д. Самарину от 22 февраля 1913 г., объясняющем отношение большинства авторитетных членов «Кружка...» к спору, имя владыки не названо. «Как бы ни казалась по первому взгляду опасна формула, отождествляющая имя Христово с энергиею Его сущности, — при более углубленном рассмотрении вопроса приходится признать, что противоположное этому убеждение поведет к опаснейшим следствиям относительно учения о таинствах, об иконах и молитве: рационалистический уклон в индивидуально-протестантском духе будет тогда неизбежен. Вот почему мы здесь (т.е. Мих[аил] Ал[ександрович], Булгаков, Флоренский, Ф[едор] К[онстантинович] Андреев и я) держим сторону “имеславия” против “имеборчества”»¹⁰³. По прошествии месяца со времени выноса синодального решения, 18 июня 1913 г., он вновь писал Ф.Д. Самарину: «Синодское определение с до-

---

¹⁰¹ Иларион (Алфеев), митр. Священная тайна Церкви... С. 660–661.

¹⁰² Варнава (Беляев), еп. Пути Промысла Божия... С. 73–74.

¹⁰³ Письма В.А. Кожевникова Ф.Д. Самарину... С. 348–349.

кладами, к нему относящимися, Сергей Николаевич [Булгаков. — К.П.] и я читали. В докладах есть немало кое-чего дельного; но они далеко не равноценны, как по содержанию, так и по тону. Антониев совсем плох. <...> Я совершенно с Вами согласен в том, что не следовало раньше, не следует и впредь раздувать раздоров и споров по вопросу, не выясненному дружным церковным сознанием и не решенному раньше категорически. <...> Что-то форсированное и, словно, произвольное сказывается во всей истории этого злополучного спора!.. В газете было, будто Синод дважды запрашивал епископа Феофана о его отношении к Булатовичу и к “учению об имени Иисуса”¹⁰⁴, грозя якобы ссылкой на Афон, и что Феофан ответил будто бы уклончиво о существе дела, но отказался от солидарности с учением Булатовича. Епископ же Феодор сообщает мне, что преосвященный Антоний Волынский пишет ему, что еп. Феофан вполне отрекся от того, что говорил нам по этому поводу при свидании с нами в Москве¹⁰⁵. Не знаю, что именно верно в газетных сообщениях и сведениях письменных?.. В итоге же все это печально... <...> Утешительно, наоборот, что слух о переводе еп. Феодора в Петербургскую академию¹⁰⁶ не оправдался: он пишет мне, что остается в Московской, чему он очень рад, и я также¹⁰⁷. Опасение В.А. Кожевникова, — «боюсь, что не все смолкнут и после заграждения уст Синодом!», — высказанное в том же письме, не замедлило подтвердиться. К концу года, 20 декабря, М.А. Новоселов запрашивал свящ. П.А. Флоренского: получил ли он второе издание «Материалов к спору о почитании Имени Божия», сообщая, что послал книги также еп. Феодору и М.Д. Муретову¹⁰⁸.

¹⁰⁴ Владыка Феофан (Быстров), в описываемую пору епископ Полтавский, в недалеком прошлом ректор Санкт-Петербургской духовной академии, был известен работами: кандидатской «Ветхозаветное Божественное имя Иегова: его происхождение, значение и употребление» (1896 г.) и магистерской «Тетраграмма, или ветхозаветное Божественное имя» (1905 г.), изданной в 1905 и 1911 гг.

¹⁰⁵ В письме М.А. Новоселова к о. П. Флоренскому от 6 октября 1912 г. сохранилось определенное указание на связь владыки с членами «Кружка» «по этому поводу»: «вчера пришло письмо от еп. Феофана, имеющее отношение к вопросу о Имени Божиим» (Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым... С. 73).

¹⁰⁶ Ректором СПбДА стал еп. Ямбургский Анастасий (Александров), известный языковед, в прошлом проф. Казанских университета и духовной академии, затем ректор академии.

¹⁰⁷ Письма В.А. Кожевникова Ф.Д. Самарину... С. 352–353.

¹⁰⁸ Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым... С. 124.

Думается, «имяславской» активностью М.А. Новоселова, всерьез беспокоившей о. Павла¹⁰⁹, можно попытаться объяснить намек на недобросовестность Михаила Александровича в отношении еп. Феодора. Впрочем, цитируемое письмо — одна из самых жестких характеристик «Кружка...». Раздосадованный неприятием своей работы «Около Хомякова»¹¹⁰, на страницах которой скрыто полемизировал с М.А. Новоселовым по вопросу об авторитете в Церкви, с Ф.Д. Самариным о понимании Таинств и др.¹¹¹, свящ. П.А. Флоренский писал С.Н. Булгакову 12 декабря 1916 г.: «М<ихаилу> А<лександровичу> я неоднократно говорил, как противлюсь я миссионерским расчетам, соображениям о “свое” и “не свое” — временности высказываний, вообще о выгодности или невыгодности... То, что мне рассказывал о. Иларион о Вашем суде потому меня и уязвило, что я отлично понимаю устроенность всего этого; когда нужно осудить С<ергея> Н<иколаевича> [адресата письма. — *К.П.*], тогда ищется один подбор друзей, когда кого другого — другой. <...> Одни дела делаются с ректором против кого-ни<будь>, другие с кем-ниб<удь> против него. <...> И неоднократно я указывал М<ихаилу> А<лександровичу> сомнительность в мо-

---

¹⁰⁹Так, 13 мая 1913 г. о. Павел писал в Петербург И.П. Щербову (преподавателю столичной семинарии, другу семьи Розанова), просившему поддержать «имяславцев» в печати: «Признаться, в душе я много виню имяславцев, даже М. А-ча (Новоселова. — *К.П.*). Когда летом (прошлого 1912 г. — *К.П.*) он вознамерился вступить в этот спор, я ему решительно сказал, что при современном позитивизме, и это дело будет заведомо проигранным. Мне невыносимо больно, что Имяславие, — древняя священная тайна церкви, — вынесено на торжище и брошено в руки тех, кому не должно касаться сего и кои, по всему складу своему, не могут сего постигнуть. <...> И слава Богу, Укрывающему Тайну Свою, вырванную из тайников души, — укрывающему ворохом ненужных слов. Христианство есть и должно быть мистериальным. А что для внешних — то пусть будут протестантствовать. “И тут чем хуже, — тем лучше”. Если бы ранее и теперь от меня зависела судьба движения и спора, я сказал бы: “Господи, все это пустяки. Займемся-ка жалованием духовенству и эполетами епископам” — и постарался бы направить интересы и внимание куда-нибудь в сторону» (Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым... С. 99–100).

¹¹⁰Впервые: Богословский вестник. 1916. №7–8.

См. запись в дневнике Л.А. Тихомирова об обсуждении сочинения о. Павла 8 декабря 1916 г. у Новоселова, «где были: Рачинский, Булгаков, отец и сын Мансуровы, Трубецкой (Евгений Николаевич. — *К.П.*), инспектор Академии о. Иларион (Троицкий). — *К.П.*), Сергей Самарин (брат Ф.Д., П.Д. и А.Д. Самариных. — *К.П.*), еще кто-то...». «Статья довольно предосудительная и вдобавок слабая. Она бросает на о. Флоренского очень странный свет. Я ушел раньше всех <...> и был дома только в начале второго часа ночи» (Дневник Л.А. Тихомирова... С. 315).

¹¹¹Экклезиология А.С. Хомякова была не критически воспринята архиеп. Антонием и, судя по опубликованному курсу лекций, его учеником еп. Феодором.

их глазах его, их попытки образовать что-то вроде *ecclesiam in ecclesia* [церковь в церкви (*лат.*)]. — *К.П.*] — какой-то не то орден, не то организацию — что-то подпольное и вместе игнорирующее или точнее глядящее мимо, куда-то вкось от законной власти и законной церковной организации. <...> Но мне думается, что мало-помалу, с каждым годом определеннее, свободное общение, аскетика и мистика, у М<ихаила> А<лександровича> отступают на второй план, и выдвигаются стороны миссионерства, апологетики, привлечения, пресечения. <...> Пред любым городским я покорен, — не за страх, а за совесть. Но пред “московскими славянофилами” я могу стоять как один пред одним, а не пред какой-то партией, за которой не признаю ни права коллективного суда, ни права коллективного увещания, хотя все это признаю за каждым врозь»¹¹².

Впрочем, приведенные строки не единственное свидетельство тому, что автору иной раз было «тесно» в «Кружке...». С.Н. Булгаков вслед за сравнением (в письме о. Павлу от 23–24 февраля 1914 г.) еп. Феодора с «классной дамой» в отношении не в меру расшалившейся пансионерки А.Н. Шмидт, ревниво упоминает о Б.Н. Бугаеве (А. Белом), «с которым Вы теперь неожиданно вступили в любовную переписку, включающую род литературно-карательной экспедиции против “москвичей”...»¹¹³.

Однако и Ф.Д. Самарин позволил себе как будто легкое сожаление, когда писал свящ. П.А. Флоренскому весной 1915 г.: «Мы испрашиваем “соединения веры”, как благодатного дара свыше, но, конечно, и сами должны трудиться по мере сил над достижением этой великой и святой цели; иначе суетна наша молитва. <...> Меня лично <...> недоговоренность и неясность между близкими людьми всегда тяготила, и в этом заключалась главная причина, почему мне казалось полезным учреждение того кружка, который сплачивается около Мих. А. Новоселова. К сожалению, намеченная мною задача была вскоре подменена другими, не менее, может быть важными и почтенными, но не столь отвечающими моей душевной потребности. Был бы счастлив, если б Вы дали толчок возрождению деятельности кружка в первоначальном направлении»¹¹⁴.

---

¹¹²Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергием Николаевичем Булгаковым... С. 116–118.

¹¹³Там же. С. 84.

¹¹⁴Переписка Ф.Д. Самарина и священника П.А. Флоренского... С. 270–271.

В свою очередь, председатель Московского РФО памяти Вл. Соловьева Г.А. Рачинский делился с М.К. Морозовой беспокойством о секретаре общества (24 июля 1915 г.): «... боюсь влияния на него Самарина и Новоселовского кружка, вкупе с епископами и черносотенным духовенством. В Самарине, Новоселове и их друзьях очень много хорошего, и я не без пользы для себя бываю в их обществе; но Дурылин склонен брать от них не это глубокое и доброе, а полемический задор и миссионерскую манеру видеть в чужих верованиях только черное и без критики превозносить свое»¹¹⁵.

Все же, читая Рачинского, Самарина, равно как и письмо свящ. П.А. Флоренского, необходимо держать в голове другие строки, наиболее близкие самой идее «Кружка ищущих христианского просвещения», осуществлению которой был причастен и епископ Феодор (Поздеевский), — стремлению «в малом» прикоснуться к «великому». Знакомясь с письмом о. Павла В.В. Розанову от 7 июня 1913 г. (только-только миновала критическая для «Кружка...» весна того года), удивляешься безмятежному тону не меньше, чем продуманности гармонии. «Конечно, московская “церковная дружба” есть лучшее, что есть у нас, и в дружбе этой полная *coincidentia oppositorum* [совпадение противоположностей (*лат.*) — *К.П.*]. Все свободны, и все связаны; все по-своему, и все — “как другие”. Вы пишете о “новом” в богословии, что внесено нами; но к перечисленным Вами лицам не забудьте добавить Новоселова и Булгакова, Самарина и др., не выступающих в литературе, но мыслящих оригинально и соучаствующих в общей работе разговорами, советами, дружбой, книгами и т.д. Весь смысл московского движения в том, что для нас смысл жизни вовсе не в литературном запечатлении своих воззрений, а в непосредственности *личных* связей. Мы не пишем, а говорим, и даже не говорим, а скорее общаемся. Мы переписываемся, беседуем, пьем чай; Новоселов ради *одной запятой* в корректуре приезжает посоветоваться в Посад, или вызывает к себе в Москву. Но это не флюберовские запятые, да удивляется им потомство, а искание поводов к общению. Вас удивляет отсутствие зависти. Но ведь у нас друг к другу не может быть зависти, ибо почти все работается сообща и лишь наибольшая часть работы в том или другом случае падает на того или другого. Дело другого, скажем Новосе-

---

¹¹⁵ Взыскующие града... С. 646–647.

лова, Булгакова, Андреева, Цветкова¹¹⁶ и т.д. и т.д., для меня и для каждого из нас — не *чужое* дело, не дело соперника, которое “чем хуже — тем лучше”, а *мое* дело, отчасти и мое»¹¹⁷.

Справедливость этих слов свящ. П.А. Флоренского подтверждается историей его магистерской защиты, прошедшей 19 мая 1914 г. с большим успехом — при единогласном одобрении академическим Советом и «шумной овации» переполненного актового зала. Еще в начале февраля В.А. Кожевников предупреждал диссертанта: «На диспут Ваш собирается чуть не вся философствующая Москва»¹¹⁸. Интерес особенно вырос с выходом в конце 1913 г. книги «Столп и утверждение Истины. Опыт православной Феодицеи в двенадцати письмах свящ. Павла Флоренского»¹¹⁹. Читательскую реакцию зафиксировал и обдумал внимательный к младшему другу В.В. Розанов: «В высшей степени все “слава Богу”, что “Столп” так разошелся. Ведь это *такой* успех — первый у славянофилов. Все “ташилось”, а не шло; все “в глотку не лезло” и приходилось пропирать через горло публике, как подавившемуся. Вот судьба “православия, самодержавия и народности”. И я даже не думаю, чтобы кн. Трубецкой и Бердяев и Роз-в [авторы печатных откликов. — *К.П.*] помогли. Нет, “само собой”, и п. ч. Вас знали и ожидали. Так я думаю. *Это страшно важно*»¹²⁰.

В отличие от книги, судьба диссертации (начавшейся кандидатским сочинением 1908 г.) не была столь благоприятной. Достаточно сказать, что ее готовый вариант был представлен Совету МДА еще в апреле 1912 г. 24 мая 1913 г. свящ. П.А. Флоренский писал В.В. Розанову: «Очень м. б., что в самом скором времени мне придется уйти из Академии»¹²¹. Думается, причиной могло служить не одно только дело «имяславцев», синодальное решение по которому состоялось 18 числа. За год до того он обмолвился в письме к проф. А.И. Введенскому (учителю, предшественнику по кафедре, скончавшемуся 23 февраля 1913 г.): тяготит «какая-то неопределенность Академии и по ее Уставу, и по

---

¹¹⁶ Друг В.В. Розанова, С.А. Цветков стал личным секретарем приехавшего в Петербург вождя «имяславцев» о. Антония (Булатовича), печатая в «Новом времени» статьи в защиту афонского движения.

¹¹⁷ *Розанов В.В.* Литературные изгнанники... С. 133.

¹¹⁸ Переписка П.А. Флоренского и В.А. Кожевникова... С. 118.

¹¹⁹ М.: Путь, 1914.

¹²⁰ *Розанов В.В.* Литературные изгнанники... С. 342.

¹²¹ Там же. С. 128.

ее составу: никак не можешь выяснить себе, какова, собственно, задача Академии и что именно надо делать»¹²². А 7 ноября 1913 г. откровенно писал ректору, по своему желанию ставшему официальным рецензентом: «Я хорошо понимаю и чувствую, что своей диссертацией поставил Вас, дорогой Владыко, в положение неловкое и весьма смущался и смущаюсь этим. Вы не знаете, что же, собственно, надо делать со мною, и это вовсе не по недоброжелательному отношению, а несмотря на прямое желание сделать все наилучшим образом». Догматизм формальных требований ведет к тому, что «люди, отрицающие не только положения Православия, но и Самого Христа, прямо или косвенно, но соблюдающие при этом известный семинарский этикет, благополучны, а другие, нарушившие этикет, или, точнее, живущие по этикету иной среды, хотя и искренно признают церковность, на каком-то подозрении. <...> Но если другие не понимают, то Вы-то, Владыко, понимаете разницу между послушанием и подхалимством»¹²³.

В каком направлении развивались дальнейшие события видно из письма В.А. Кожевникова (21 янв. 1914 г.): «Вчера был у меня еп. Феодор и говорил, что находит нужным, чтобы Вы еще кое-что выпустили в Вашей книге (для диспута). Это меня встревожило. Лично он отлично к Вам настроен, но, видимо, побаивается синодалов; упоминал, по крайней мере (и с порицанием) об Остроумове»¹²⁴. Сам владыка, советуя прибегнуть к правке, не скрыл от автора, «что даже просвещеннейшие иерархи — члены Синода, от которых можно было ожидать беспристрастия и широты воззрений, смотрят на Вашу книгу косо» (28 янв. 1914 г.). Называя подозрительные с официальной точки зрения места текста, ректор указал: «Безусловно, нужно замазать типографской краской слова <...> “имя Христово есть мистическая Церковь!”»¹²⁵.

Исчерпывающее объяснение дал сам свящ. П.А. Флоренский, отвечая 20 окт. 1917 г. редактору «Православной богословской энциклопедии» проф. СПбДА Н.Н. Глубоковскому: «О диссертации своей <...> я хотел бы сказать лишь, <...> что <...> в угоду кому бы то ни было, не писал ни одной запятой. Но

---

¹²² Флоренский П., свящ. Избранные письма профессорам Московской духовной академии... С. 761–762.

¹²³ Цит. по: Андроник (Трубачев), игум. Священник Павел Флоренский — профессор Московской духовной академии и редактор «Богословского вестника»... С. 296–297.

¹²⁴ Переписка П.А. Флоренского и В.А. Кожевникова... С. 118.

¹²⁵ Цит. по: Андроник (Трубачев), игум. Священник Павел Флоренский — профессор Московской духовной академии и редактор «Богословского вестника»... С. 297.

кое-чем, существенно важным, <...> пришлось поступиться, не потому, что боялся Св. Синода, а потому что я не был в нравственном праве требовать синодской санкции тем статьям своей книги, которые казались моему рецензенту недостаточными таковой»¹²⁶. «Я не позволю стеснять своей совести и своей мысли никому, но потому не хочу насиловать и чужой совести и чужого разума, хотя бы они и казались мне карикатурными»¹²⁷. (Действительно, В.В. Розанов отметил особый настрой труда и автора: «...мне нравится более всего его “дружба к человечеству” <...> Книга совершенно лишена полемики. Она собирает только *положительные цветы*, не вырывая ничего сорного»¹²⁸). «Опущены, во-первых, лирические места. В моем понимании эти места были не “украшением”, <...> а методологическими прологами соответствующих глав. <...> Далее, опущен ряд глав-писем, представляющих собой философско-богословскую цель книги. И это сделано не без боли»¹²⁹. Среди последних «Дружба» и «Ревность», позволившие (первоначально выходили отдельными статьями) В.В. Розанову заявить (4 июня 1913 г.): «Вы знаете, что почти <...> нет *связанности* между людьми, нет вообще *никаких отношений*. <...> Поэтому велики Ваши темы “О Дружбе”, “О любви”, “Письма к Другу”, и т. д. Это — новая полоса в богословии, это совсем другой тон», для которого более всего характерна «*богословская теплота*». «Отсюда и так драгоценна нетронутость дружбы, связывающей всех “славянофилов” в новый улей»¹³⁰.

Предзащитные тревоги не помешали вл. Феодору выступить с обстоятельным, в высшей степени хвалебным отзывом на работу о. Павла. Опубликованный в майском номере «Богословского вестника», дан он был, разумеется, до присвоения автору ученой степени и утверждения в ней Св. Синодом. Оценки епи-

¹²⁶Сосуд избранный. История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также в секретных документах руководителей советского государства... С. 164.

¹²⁷«По существу дела я всегда был человеком закона и порядка, и потому мне тяжело думать и видеть, что Синод, каков бы он ни был, дискредитирует себя самого. Ведь я знаю до какой степени с ним морально не считаются не только миряне, но и духовенство, даже епископы», — писал о. Павел В.В. Розанову по осуждении Св. Синодом «имяславия» (Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 130).

¹²⁸Розанов В.В. Густая книга... С. 580.

¹²⁹Цит. по: «Остаюсь Ваш доброжелатель и богомолец...» К истории взаимоотношений священника Павла Флоренского и митрополита Антония (Храповицкого)... С. 72.

¹³⁰Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 311–312.

скопа встретили полное сочувствие В.В. Розанова, откликнувшегося 15 июня: «Ну, мой “дорогой и славный”: кажется, о. Феодор не изменил себе и показал себя таким, каким Вы ожидали его видеть в годы дружбы до наступления “дней смутных и страха”¹³¹. Спасибо ему. Я за него порадовался, читая рецензию. Она очень поучительна и для каждого, “во дворе стоящего”¹³². Кроме того, язык и пр. показывают его добрым и ясным человеком без кривизны в душе. Вообще я очень со своей стороны удовлетворен»¹³³. Что, понятно, никак не влияло на официальный ход дела. Синодальный рецензент архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий) высказался 9 августа, телеграфировав ректору: «Прочитал 136 страниц книги¹³⁴ Флоренского. Можно дать одобрительный отзыв»¹³⁵.

Вряд ли владыка Антоний разделил таким образом восторги В.В. Розанова. Более 40 лет прошло со времени защиты о. Павла, а еп. Варнава (Беляев) отметил в записной книжке (1957 г.): «Когда шел вопрос о “Столпе” <...> достоин ли он, чтобы за него дать степень магистра богословия автору, ректор Академии, е[пископ] Ф[еодор], <...> запросил в частном письме митрополита¹³⁶ Антония (Храповицкого), считавшегося самым умным среди архиереев и монахов того времени, что он думает на этот счет. Тот ему отписал, что вся эта работа Фл[оренского] и его мысль — чистая хлыстовщина! <...> Это мне лично сам епископ Феодор говорил¹³⁷»¹³⁸. С.А. Волков, студент академии революционного времени, передал со слов проректора архим. Илариона (Троицкого) (1919 г.), как «знаменитый в те годы ученый архиепископ Антоний (Храповицкий) ото-

---

¹³¹ «О. Павел пока благополучен, хотя и в немилости у епископа Феодора из-за “имяславия”», — делился С.Н. Булгаков с А.С. Глинкой-Волжским 21 августа 1913 г. (Взыскующие града... С. 554).

¹³² «Как огласительное слово для стоящих “во дворе церковном”, а так просит посмотреть на его книгу сам автор... — книга выполнена прекрасно», — писал в своей рецензии владыка (Феодор (Поздеевский), еп. «О духовной Истине. Опыт православной теодицеи»... С. 242).

¹³³ Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 341.

¹³⁴ Подобно другим авторам служебных откликов, вл. Антоний говорит об отпечатанном тиражом около 30 экз. специально для защиты урезанном варианте «Столпа» — собственно диссертации.

¹³⁵ «Остаюсь Ваш доброжелатель и богомолец...» К истории взаимоотношений священника Павла Флоренского и митрополита Антония (Храповицкого)... С. 71.

¹³⁶ Стал им в ноябре 1917 г.

¹³⁷ Автор, выпускник МДА 1915 г., принял постриг в Зосимовой пустыни от рук вл. Феодора в 1911 г.

¹³⁸ Варнава (Беляев), еп. «Дядя Коля» против... Записные книжки епископа Варнавы (Беляева)... С. 665.

звался о работе» о. Павла: «Или я уже ничего больше не смыслю в философии, или это просто хлыстовский бред!». Рассказав, архимандрит добавил, что «готов согласиться только с первой половиной... суждения»¹³⁹.

Так или иначе, слова архиепископа не были эмоциональной отговоркой, диагноз представлялся вполне актуальным. «К сожалению, наше время есть время исключительного увлечения хлыстовством и русского народа, и русского общества»¹⁴⁰ — один из рефренов знаменитого владыки.

Докладывая Св. Синоду об «имяславии», архиеп. Антоний подчеркивал: «новому лжеучению» свойственны «хлыстовские воззрения, по коим слова, магические действия в отрешении от веры и добродетели, приближают нас к Божеству»¹⁴¹. А в письме самому о. Павлу, хорошо знавшему этот доклад, указал (13 дек. 1915 г.): «Не скрою, что несколько смущаюсь Вашим мистицизмом <...> Не числа и имена, а движения нравственной воли приближают нас к Богу, и да отыдет от нас Вл. Соловьев с его каббалистикой»¹⁴². Деликатность формулировки смысла не меняла: «имяславие», «хлыстовщина» и богословие свящ. П.А. Флоренского типически сходны. Вероятно, вл. Антоний говорил о диссертации. «Должен признаться, что статьи Ваши знаю больше по заглавиям, чем по содержанию: наша жизнь лишает нас возможности читать много», — откровенно заметил он в марте 1910 г.¹⁴³

В свете сказанного только возрастает значение официальной рецензии вл. Феодора: «Как труд богословско-философский книга автора от начала до конца православна. Автор ниспровергает господство в жизни рассудка и его претензии на монополию истины, утверждает духовный подвиг, утверждает и защищает Церковь, открывает ложь ересей древних и новых по их существу,

¹³⁹ Волков С.А. П.А. Флоренский... С. 144.

¹⁴⁰ Иларион (Алфеев), митр. Священная тайна Церкви... С. 484.

¹⁴¹ Там же. С. 484–489.

¹⁴² «Остаюсь Ваш доброжелатель и богомolec...» К истории взаимоотношений священника Павла Флоренского и митрополита Антония (Храповицкого)... С. 75–76.

Далеко не всегда автор письма относился столь критично к Вл.С. Соловьеву. Было время, когда последний в кругу петербургских монахов-богословов Антония (Вадковского), Антония (Храповицкого) и Михаила (Грибановского) «чувствовал себя среди общества действительно христианского, преданного делу Божию прежде всего» (Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В. Иерархия Русской Православной церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху... С. 38).

¹⁴³ Там же. С. 75.

осуждает “новое религиозное сознание” современной интеллигенции, хлыстовство, хилязм, культ плоти; исповедуя грех как причину зла, он в благодати Святого Духа утверждает силу, преобладающую грех и обновляющую тварь»¹⁴⁴. «Лично я утвердил “Столп и утверждение Истины” для защиты в качестве магистерской диссертации. Едва отстоял, ездил специально в Киев¹⁴⁵, добился принятия», — передал А.Ф. Лосев слова бывшего ректора¹⁴⁶.

Вклад еп. Феодора в успех свящ. П.А. Флоренского был значителен и очевиден. С особым, вероятно, чувством писал вл. Антоний спустя месяц после удаления из МДА своего ученика и постриженника (1 июня 1917 г.)¹⁴⁷: «Всечестный батюшка о. Павел!.. Господь да вознаградит Вас за благородство в отношении к преосвященному Феодору»¹⁴⁸. А «Всероссийский церковно-общественный вестник», перечисляя в апреле 1917 г. факты ректорского произвола еп. Волоколамского, не забыл упомянуть, что «замечательно интересная книга Флоренского содержала в себе с официально церковной точки зрения не мало сомнительных пунктов. Но еп. Феодор, благоволивший Флоренскому, отнесся к его сочинению с полной терпимостью и даже позволил искусственно его урезать для подачи в Совет, лишь бы не вызвать никаких трений в Синоде»¹⁴⁹.

Обличительный задор «церковно-общественного» органа оказался гораздо требовательнее недавнего «официоза». Характеристике которого служит дневниковая запись свящ. Павла, вызванная откликом архим. Никанора (Кудрявцева)¹⁵⁰ на книгу «Столп и утверждение Истины»¹⁵¹: «Об этой выходке его против меня я слышал ранее смутно, причем слух шел от преосв. ректора. <...> О. Иларион [(Троицкий), инспектор академии. — К.П.] говорил мне, что эта критика побывала в разных редакциях, но везде терпела отказ; между прочим, и

---

¹⁴⁴ Феодор (Поздеевский), еп. «О духовной Истине. Опыт православной теодицеи»... С. 242.

¹⁴⁵ В описываемую пору вл. Антоний занимал украинские кафедры: до 19 мая 1914 г. Вольнскую и Житомирскую, затем Харьковскую и Ахтырскую.

¹⁴⁶ Лосев А.Ф. «Я сослан в XX век...»... С. 531.

¹⁴⁷ Сам Харьковский архиепископ был смещен с кафедры также 1 мая.

¹⁴⁸ «Остаюсь Ваш доброжелатель и богомолец...» К истории взаимоотношений священника Павла Флоренского и митрополита Антония (Храповицкого)... С. 77–78.

¹⁴⁹ Цит. по: Голубцов С.А., протод. Московская духовная академия в революционную эпоху. Академия в социальном движении и служении в начале XX века... С. 103.

¹⁵⁰ Закончил МДА в 1909 г., на год позже о. П. Флоренского, и был оставлен профессорским стипендиатом.

¹⁵¹ Миссионерское обозрение. 1916. №1–2.

печатание ее в “Вере и разуме”¹⁵² отклонил архиепископ Харьковский Антоний. Этот последний много наговаривал на меня устно; но вот уже второй раз он оказывает мне покровительство»¹⁵³, не в последнюю очередь благодаря доверию еп. Феодора. Искреннее сочувствие, единомыслие и единодушие в тяжелых условиях академической жизни предреволюционной поры ценились особенно высоко.

Один из уровней запутанного конфликта проанализирован о. Павлом в известном письме В.В. Розанову от 7 июня 1913 г.: «Самые лекции, которые читаю я, семестровые и кандидатские сочинения, которые даю писать студентам... — все это *очень* утомляет, ибо это не просто учительство, а непрерывная *борьба*; мне ведь приходится не просто созидать, а все время разрушать позитивистические настроения. То же — у Булгакова, у Новоселова, у всех нас¹⁵⁴. И вот, хотя и редко-редко (по неск. человек на курс) одерживаешь настоящую победу, однако чувствуешь, что всех *ранил*, и что впредь им придется все же задуматься, а, при случае, когда Бог посетит несчастием, — и принять кое-что в сердце. Но, Вы понимаете, это вечное военное положение требует много сил»¹⁵⁵. Эти слова вполне могли принадлежать ректору.

Главной проблемой стали в корне различные представления о самой академии. Бóльшая часть преподавательской корпорации, лелея идею широкой автономии — основанное на выборном начале самоуправление, научно-образовательный процесс вне церковно-административного контроля, представлявшегося неоправданно жестким, — апеллировала к Уставу 1869 г. и Временным правилам 1905 г. В то время как академическому руководству, по своему положению связанному с синодальной средой, являвшемуся частью иерархии, основным назначением школы виделась подготовка пастырства, способного противостоять антицерковным вызовам времени. Заостренно-критическая методология первых¹⁵⁶, стремившихся к научной истине, коей думалось слу-

---

¹⁵²Известный «богословско-философский» журнал, выходивший в Харькове с 1884 г.

¹⁵³Цит. по: Андроник (Трубачев), игумен. Священник Павел Флоренский... С. 309.

¹⁵⁴Прот. С. Булгаков преподавал в Московском университете и Коммерческом институте, был товарищем председателя Московского РФО памяти Вл. Соловьева, много писал и публиковал, церковно-просветительской деятельности посвятил себя М. Новоселов, активная позиция была характерна для людей, связанных с о. Павлом.

¹⁵⁵Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 133.

¹⁵⁶«Настолько все захвачены наукой, немецкой, тюбингенской, что начинают комментировать текст Священного Писания — и разносят его до основания. <...> Получается в конце концов, что

жить родной Церкви, встречала призыв к опытному постижению духовных сокровищ Св. Писания и святоотеческой мудрости. Священный сан для преподавателей казался естественным, равно как и студенческие постриги. Фигура вл. Антония (Храповицкого) более всех олицетворяла это направление, встречавшее самые противоречивые оценки. Так, близкий и обязанный ректору МДА свящ. Павел Флоренский, правда, в ответ на «имяборческое» торжество Св. Синода, писал В.В. Розанову (26 мая 1913 г.): «Не из-за этой истории я считаю его злым гением нашей церковной жизни <...> Его основная мысль — растлить церковную жизнь (остатки ее) и забрать полноту власти всяческой при помощи иезуитски-подобранного ордена ученых монахов <...> Нам, в Академии видно много таких мелочей, которые выявляют *душу* “антонианства” и которых в ином месте нигде не увидишь. Спросите любого академика, и он Вам расскажет, — хоть для примера Андреева, который не только не в оппозиции, но даже ректорский любимец и “питомец”»¹⁵⁷. На усиление в жизни академий церковно-административной составляющей были направлены Устав 1910 г. с принятыми в следующем году изменениями. Общее положение чрезвычайно осложнялось тем, что в ситуации начала века противостояние непременно обретало политический контекст: «прогрессивная» профессура в оппозиции «реакционерам»-церковникам. Разумеется, не осталось в стороне и студенчество — мечта о самоуправлении увлекала своим популизмом многих.

«Зрея» в значительной мере «под спудом», с кардинальными переменами Февраля накопившиеся вопросы зазвучали во всеуслышание, доводя непонимание до степени катастрофической. Так было в Московской академии. Новый обер-прокурор В.Н. Львов (когда-то вольнослушатель МДА) в ответ на студенческую петицию, первым требованием которой стояло удаление ректора, назначил ревизию академии. 13 марта прошли заседания преподавательской корпорации: «Из речей профессоров вылился тяжелый обвинительный акт против ректора академии епископа Феодора»¹⁵⁸. Вслед за отъездом ревизора проф. ПгДА Б.В. Титлинова¹⁵⁹ вечером 14 числа состоялось еще одно собрание. Об одном

весь евангелист состоит из одних вставок...», — и в 1932 г. негодовал вл. Феодор (*Лосев А.Ф.* «Я сослан в XX век...»... С. 531).

¹⁵⁷ *Розанов В.В.* Литературные изгнанники... С. 130–131.

¹⁵⁸ Утро России. 1917. 21 марта. №76.

¹⁵⁹ После того, как вл. Антоний раскритиковал его докторскую диссертацию («Духовная школа в России в XIX столетии») и тем самым не допустил присвоения искомой степени, Борису Васи-

из этих заседаний свящ. П.А. Флоренский рассказал М.А. Новоселову: «Пошел <...> и попал в такое хамство, что считал своим долгом уйти, хлопнув дверью. <...> В общем же знаю, что после меня вскоре же ушел Петр Вас. Нечаев¹⁶⁰ <...> из-за инсинуаций на ректора. Студенты, кстати сказать, или лучше сказать неизвестно откуда взявшийся “Совет” студентов, бесподписно представил Тарееву¹⁶¹ петицию о немедленном удалении ректора и об аресте его. <...> Вся клика спекулирует на недобросовестно сфабрикованной клевете, якобы ректор организует какие-то реакционные силы в политике и т.п. вздорах»¹⁶². Техника возникновения этих обвинений была хорошо известна свящ. Павлу и описана еще в 1906 г.: «Среди товарищей завелась компания, которая поставила себе какие-то таинственные цели и добивается их всяческими средствами, не исключая и иезуитских. <...> Эта самая компания упорно желает вовлечь Академию в политическую борьбу, да еще <...> под флагом определенной партии. Мне противна всякая партия в политике, а тем более противно внесение политических раздоров во внутреннюю жизнь Академии. Я стараюсь отклонить от Академии подобные задачи, и так же Серг<ей> Сем<енович>¹⁶³. А в результате появляются слухи, будто мы именно создаем какую-то политическую партию в Академ<ии>, тогда как мы просто хотим быть христианами и заниматься своим делом»¹⁶⁴. Спустя 11 лет пришлось делать категоричный вывод: «...мысль о закрытии Академии должна быть теперь же поставлена ребром. Современная Академия не нужна ни политическим радикалам, — ибо наши лжерадикалы <...> при ветре настоящей реформы жизни пугаются и вопят о спасении своих воротничков и диссертаций, — ни людям церковным, ибо только разрушают веру, и ничего не создают. Чем более свободы, тем хуже для них, ибо свобода их обличает, обличает их бессилие, религиозную пустоту; им нечего сказать — вот они и занимаются клеветой. Вся их автономия сводится к личной мести ректору за то, что он не

льевичу особенно тяжело было сохранять беспристрастие в деле, непосредственно касавшемся как протезе архиепископа, так и отстаиваемого им идеала «ученого монашества».

¹⁶⁰ В описываемое время и.д. доцента по педагогике.

¹⁶¹ С марта 1915 г. состоявшему в Правлении академии и сменившему (по выбору академического Совета) 4 мая 1917 г. свящ. Павла Флоренского на посту редактора «Богословского вестника».

¹⁶² Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым. С. 166–167.

¹⁶³ С.С. Троицкий (1881–1910) ближайший друг Флоренского в академии.

¹⁶⁴ *Флоренский П., свящ. Избранные письма профессорам Московской духовной академии...* С. 757–758.

давал орденов Туницкому, выгнал Виноградова, с чем-то приставал к Тарееву и Попову»¹⁶⁵.

11 апреля откликнулся из Петрограда В.В. Розанов: «Слышал о Титлинове и “радости о сем Тареева”. Если помнит меня о. Федор (ему я писал) — передали бы от меня поклон. Ему “не подобает” ни гнуться, ни сгибаться: а “стоять прямо”...»¹⁶⁶. Будто по слову Василия Васильевича († 5 февраля 1919 г. в Сергиевом Посаде), началась новая страда в жизни бывшего ректора МДА. «Еп<ископ> Феодор и м<итрополит> Кирилл¹⁶⁷ все еще в узах. На днях был у них. Слава Богу, здоровы и бодры», — сообщал М.А. Новоселов А.С. Глинке 5 ноября 1921 г.¹⁶⁸ Сбылось, и продолжало сбываться молитвенное пророчество Михаила Александровича, записанное 27 июля 1909 г.: «У меня такое чувство, что жизнь идет усиленным темпом... И ни политическая экономия, ни союзы и собрания, ни Дума, ни свидания монархов — ничто не спасет от грядущего всеобщего крушения. Нельзя остановить или направить по своему усмотрению сил, уже приведенных в действие и впущенных в гущу человечества. Жутко становится в Божием мире, и одно остается: “Господи! Утверди нас на камени исповедания Твоего!”»¹⁶⁹.

---

¹⁶⁵ Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым... С. 168.

¹⁶⁶ *Розанов В.В.* Литературные изгнанники... С. 404.

¹⁶⁷ Священномученик Кирилл (Смирнов), митрополит Казанский.

¹⁶⁸ Взыскующие града... С. 691.

¹⁶⁹ Там же. С. 202 - 203.

Источники и литература

1. *Андроник (Трубачев), игум.* Священник Павел Флоренский — профессор Московской духовной академии и редактор «Богословского вестника» // Богословские труды. Вып. 28. М., 1987. С. 290–314.
2. Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым. Томск, 1998.
3. Благодарю Бога моего. Воспоминания Веры Тимофеевны и Натальи Александровны Верховцевых. М., 2008.
4. *Булгаков С.Н.* Мое рукоположение (24 года) // С.Н. Булгаков: pro et contra. Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей. Т. 1. СПб., 2003. С. 103–111.
5. *Булгаков С.Н.* Пять лет (1917–1922) // С.Н. Булгаков: pro et contra... С. 84–103.
6. *Варнава (Беляев), еп.* «Дядя Коля» против... Записные книжки епископа Варнавы (Беляева). 1950–1960. Н. Новгород, 2010.
7. *Варнава (Беляев), еп.* Пути Промысла Божия. М., 2009.
8. Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрна и др. М., 1997.
9. *Волков С.А.* П.А. Флоренский // П.А. Флоренский: pro et contra. Личность и творчество Павла Флоренского в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 2001. С. 141–161.
10. *Воронцова И.В.* Русская религиозно-философская мысль в начале XX века. М., 2008.
11. Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995.
12. *Голубцов С.А., протод.* Московская духовная академия в революционную эпоху. Академия в социальном движении и служении в начале XX века. М., 1999.
13. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. М., 2008.

14. Дубинин А., *свящ.* Переписка В.А. Кожевникова с Ф.Д. Самариним и деятельность Кружка ищущих христианского просвещения // Богословские труды. Вып. 40. М., 2005. С. 274–288.
15. Дурьлин С.Н. В своем углу. М., 2006.
16. Записки священника Сергия Сидорова, с приложением его жизнеописания, составленного дочерью, В.С. Бобринской. М., 1999.
17. Иларион (Алфеев), *митр.* Священная тайна Церкви: Введение в историю и проблематику имяславских споров. СПб., 2007.
18. Киреев А.А. Дневник. 1905–1910. М., 2010.
19. Колеров М.А. «Не мир, но меч». Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996.
20. Лавров В.М., Лобанов В.В., Лобанова И.В., Мазырин А.В. Иерархия Русской Православной Церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху. М., 2008.
21. Лосев А.Ф. «Я сослан в XX век...». Т. 2. М., 2002.
22. Никитина И.В., Половинкин С.М. «Московский авва» // Архив священника Павла Александровича Флоренского. Вып. 2. Переписка с М.А. Новоселовым. Томск, 1998. С. 9–38.
23. Ореханов Г., *свящ.* На пути к Собору. Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002.
24. «Остаюсь Ваш доброжелатель и богомолец...» К истории взаимоотношений священника Павла Флоренского и митрополита Антония (Храповицкого) // Журнал Московской Патриархии. 1998. №6. С. 67–80.
25. Павел Флоренский и символисты: Опыты литературные. Статьи. Переписка. М., 2004.
26. Переписка П.А. Флоренского и В.А. Кожевникова // Вопросы философии. 1991. №6. С. 85–151.
27. Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергием Николаевичем Булгаковым. Томск, 2001.

28. Переписка Ф.Д. Самарина и священника П.А. Флоренского // Вестник РХД. 1978. №125. С. 251–271.
29. Письма В.А. Кожевникова В.В. Розанову // Вестник РХД. 1984. №143. С. 87–100.
30. Письма В.А. Кожевникова Ф.Д. Самарину // Богословские труды. Вып. 40. М., 2005. С. 274–354.
31. *Половинкин С.М.* Ревностная дружба // Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергием Николаевичем Булгаковым. Томск, 2001. С. 5–15.
32. Письма С.Н. Дурылина к свящ. Павлу Флоренскому // Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I: Исследования. М., 2010. С. 199–208.
33. *Розанов В.В.* Густая книга // *Розанов В.В.* Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М., 1995. С. 576–585.
34. *Розанов В.В.* Духовенство на народной службе // *Розанов В.В.* Собрание сочинений. В чаду войны (Статьи и очерки 1916–1918 гг.). М.-СПб., 2008. С. 212–214.
35. *Розанов В.В.* «Мы всегда хороши»... // *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Признаки времени (Статьи и очерки 1912 г.). М., 2006. С. 241–248.
36. *Розанов В.В.* О С.Н. Булгакове // *Розанов В.В.* Собрание сочинений. В чаду войны... С. 361–365.
37. *Розанов В.В.* Литературные изгнанники. Книга вторая // *Розанов В.В.* Собрание сочинений. М.; СПб., 2010.
38. *Свенцицкий В.* Граждане неба. Мое путешествие к пустынным кавказских гор. М., 2007.
39. Сосуд избранный. История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также в секретных документах руководителей советского государства. 1888–1932. СПб., 1994.
40. *Успенский Л.А.* Богословие иконы Православной Церкви. М., 2007.

41. *Феодор (Поздеевский), еп.* «О духовной Истине. Опыт православной теодицеи» («Столп и утверждение Истины»). Книга свящ. П. Флоренского. М., 1912: рецензия // П.А. Флоренский: pro et contra. С. 209–243.
42. *Флоренский П.А., свящ.* Избранные письма профессорам Московской духовной академии // Богословский вестник. №11–12. Сергиев Посад, 2010. С. 753–765.
43. *Флоренский П.А., свящ.* Памяти Феодора Дмитриевича Самарина // Сочинения в 4 Т. Т. 2. М., 1996. С. 337–345.
44. Царю Небесному и земному верный. Митрополит Макарий Московский, Апостол Алтайский (Парвицкий-Невский). 1835–1926. М., 1996.
45. *Эрн В.Ф.* «И на земли мир» // Сочинения. М., 1991. С. 339–341.